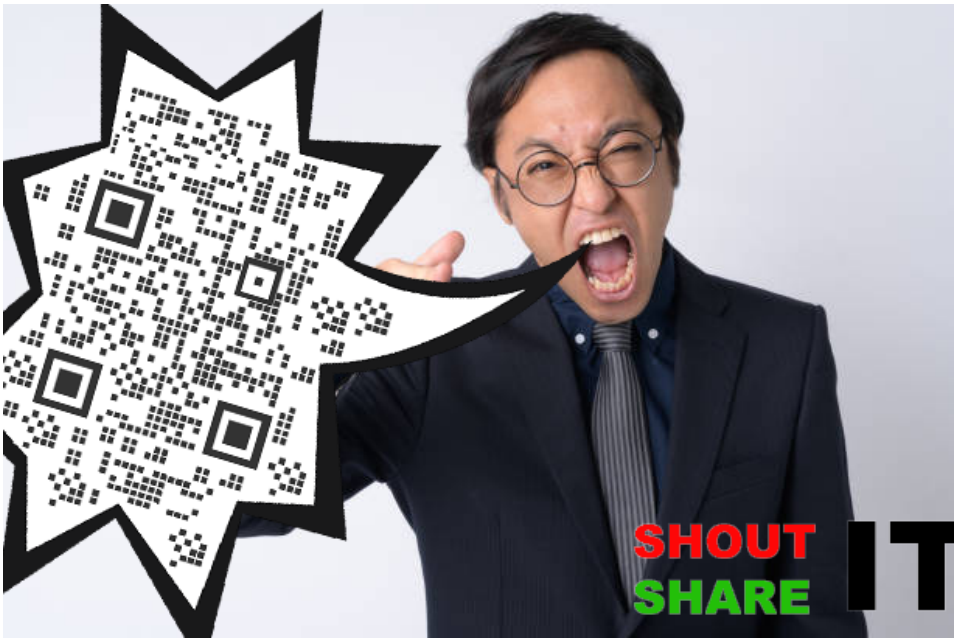
Юлия Фирсанова

АПП, или Блюстители против вредителей!

АПП, и... всем!


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вот говорят, молния дважды в одно место не попадает, а пророчество – может!

Опять в Академии пророчеств и предсказаний у Янки Донской и ее напарников – тролля Хага и дракончика Машьелиса – «веселье». Студенты-предсказатели туману напустили, ты же гадай, из неприятностей, вежливо именуемых приключениями, выпутывайся. А ведь еще и учиться надо. У второкурсников новые предметы, строгие до жути преподаватели и сердечные страдания.

- Юлия Фирсанова
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Конец ознакомительного фрагмента.

Юлия Фирсанова
АПП, или Блюстители против вредителей!

© Фирсанова Ю. А., 2017

* * *

Глава 1
Занятное занятие, а также о странных цветочках

В назначенный час после первого дня занятий Яна Донская, второкурсница Академии пророчеств и предсказаний, топталась перед закрытой дверью аудитории номер пять в третьем корпусе в ожидании факультатива. С одной стороны, солдат спит – служба идет. Время, отведенное на занятия, не резиновое. С другой – урок был нужен самой девушке. Это ведь она, а не кто-то другой, крупно влипла со странным даром приговорщицы, неожиданно прорезавшимся в начале первого курса.

Потому-то второй курс и начался для студентки, как обещал декан Гаделикарне… Гадерикали… Тьфу, выговорить имя руководителя факультета блюстителей пророчеств без пол-литра или специализации на скороговорках было решительно невозможно даже после года обучения в АПП. Короче, декан Гад, как и обещал, прямо в первый день занятий отправил девушку к учителю, способному посвятить ее в тонкости обращения с открывшимся талантом. Вообще-то Донская еще и в «толстостях» ничего не понимала, потому покорно отправилась на индивидуальный факультатив.

Предстояло серьезно потрудиться. А почему? Из-за странной способности: у Янки стали сбываться сказанные в сердцах пожелания. Правда, к счастью, пока сбылось всего одно. Дальше уже было не до вольных или невольных экспериментов. Весь курс студентка головы от учебников не поднимала – была загружена выше крыши лекциями, семинарами, контрольными, рефератами, практическими работами и тренировками с друзьями-напарниками, а также прочими «прелестями» жизни первокурсника.

Девушке не то что кого-то проклинать, лениться толком некогда было! Программа в Академии пророчеств и предсказаний оказалась весьма насыщенной, да и дару, как говорил Гад, полагалось устояться. Из-за этого визит к будущему наставнику декан, смилостивившийся над студенткой, страдавшей от непомерной нагрузки, великодушно отложил до второго курса.

Вот потому теперь Яна стояла под дверью и ждала. На всякий случай она подергала ручку еще разок, признала невозможность проникнуть внутрь и на этом успокоилась. Вскрывать замки их все равно не учили. Наверное, мастер где-то задержался. Не

забаррикадировался же он изнутри?

Девушка сняла плащик, убрала беретку в рукав и положила вещи на скамейку. Присела и откинулась на спинку, с удовольствием вытянув ноющие после физкультуры ноги. Жаль, нельзя было еще и руки вытянуть или вообще раскинуться звездочкой на полу.

Очередная полоса препятствий, изобретенная вдохновенным супружеским тандемом тренеров (эльфа Теобаля и горгоны Леоры), заскучавшим за каникулы без работы и студентов, вытянула из девушки все соки. Даже при помощи энергичных напарников – тролля Хагорсона и дракона Машьелиса – Янка одолела ее с трудом, словно и не занималась весь прошлый год дополнительно. А уж справиться с такой нагрузкой в одиночку и вовсе казалось непосильной задачкой. Да, расслабилась студентка на каникулах, снова начала кое-где жирком обрастать! Или хитрые мастера нарочно сложность полосы завысили, чтобы спесь со второкурсников сбить и подвигнуть их к новым подвигам на ниве тренировок?

Как же хорошо, что Прялка Судьбы, запущенная деканом и ректором, притащила в АПП не одну Янку, а сразу трех будущих товарищей. Вдобавок лист Игиды со знаком ОГАС помог зарождению крепкой дружбы. Янка успела здорово привязаться к напарникам. Каникулы, конечно, Донская с удовольствием провела в родном поселке вместе с семьей, считавшей ее студенткой очень секретного метеорологического вуза, но по друзьям успела изрядно истосковаться! И, вот странно, по занятиям!

Неожиданно Яне пришлась по вкусу жизнь в академии. И не только из-за уютной комнаты в общежитии и замечательного меню в столовой, где царствовал повар-силаторх, мастер Вархимарх. Синий летающий осьминог готовил так, что пальчики оближешь. К своему удивлению, Донская мало-помалу начала получать удовольствие от учебы, чего с ней не случалось за всю ученическую и студенческую жизнь на родной Земле.

Ясное дело, даже в АПП все учебные предметы нравиться не могли. Вот, скажем, основы Мироздания на первом курсе ничего, кроме головной боли, не принесли, хотя староста факультета Стефаль и расписывал дикую полезность чудовищных лекций. Зато лекарское дело, читаемое мастером Лесариусом, или знаки Игиды, преподаваемые деканом Гадом, девушку заинтересовали всерьез.

И основы предсказаний в общем-то оказались предметом интересным, если бы не странные отношения с преподавателем. На первом занятии из-за шалости студента обычный гадальный

ритуал, проводимый мастером, превратился в обряд, сделавший из Янки и Сейата Фэро, лорда Леоци, невесту и жениха. Никаких последствий, о которых предостерегал мастер, вроде способности чувствовать учителя на расстоянии или чего похуже, у жертвы так и не проявилось, поэтому происшествие удалось сохранить в тайне. Теперь девушка вообще полагала, что случайная связь развеялась. Ничего уточнять у мастера Янка не рвалась. Если бы тот хотел, сам рассказал бы. А молчит, так, может, о конфузе вспоминать не хочет, потому не стоит нервы мужику трепать.

– Ты ко мне? – неожиданно прозвучал над головой задумавшейся Яны голос того самого мастера Сейата Фэро, которого теперь вся академия иначе чем Сатаной Феррумом и не называла.

– Похоже на то, – мрачно согласилась девушка. Коль к аудитории подошел именно Фэро, значит, именно он и должен стать ее наставником.

– Я сейчас не могу уделить тебе времени, – неодобрительно нахмурился мастер, прищелкивая темными когтями на руках. – У меня назначено занятие.

– Ладно, – легко и спокойно согласилась Яна, к некоторому удивлению Сейата Фэро. – Тогда я передам декану, что вам некогда со мной заниматься, да?

– С тобой? – насторожился преподаватель. – Стоп, так это ты та самая приговорщица, которая нуждается в факультативных занятиях?

– Я, – поневоле признала девушка, сообразившая по интонации, что расклад изменился и легко отделаться от Сатаны все-таки не удастся.

– Проходи, – мрачно, будто звал студентку на собственную казнь, разрешил мастер и открыл дверь, приложив к замку перстень-печатку.

Створка распахнулась бесшумно и столь же неслышно закрылась, оставив Янку наедине с мужчиной. Преподаватель основ предсказаний выглядел откровенно измученным. Смуглая кожа приобрела какой-то песочный оттенок, не спасала даже бордовая мантия, а яркие рожки, проблескивающие в темно-баклажановых волосах, утратили прежний роскошный блеск.

– Я могу в другой раз прийти, – пожалела беднягу, перетрудившегося на первых лекциях, сердобольная девушка. – Вы только скажите, когда удобнее.

– Не имеет значения, – отмахнулся мастер и, указав студентке на ее обычное место за партой, опустился на соседний стул. Потер устало лоб, уточнил: – Когда у тебя открылся талант приговорщицы?

– В начале первого семестра первого курса, – добросовестно (а чего обманывать-то?) отчиталась Яна, доставая из сумки чистую тетрадь и ручку для конспектирования предстоящего занятия.

– Что? – буквально взвился над полом мастер, теперь его глаза метали молнии, а когти едва не оставили на парте неизгладимую метку – свидетельство ярого возмущения.

«Все-таки устал, бедненький», – еще разок сочувственно вздохнула Яна и объяснила мастеру, как и при каких обстоятельствах проявился странный дар:

– В моем мире магии нет. Цветом на шэ-даре этот талант не выделяется, потому узнали, только когда я ребятам-пророкам, занявшим мое место у заводи, в сердцах пожелала провалиться. Они тогда вместе с деревом в ручей ухнули.

– И с тех пор ты никого другого не приговорила? – недоверчиво уточнил учитель.

– Нет, – практически извинилась девушка, пожав плечами. – Мне проще, если рассердилась, сразу в глаз дать, чем целенаправленно желать гадостей. Учиться раньше декан Гад не советовал, нужно было подождать, чтобы сформировались какие-то каналы силы.

Сатана негромко рассмеялся и прищелкнул когтями:

– Мастер Гадерикалинерос был абсолютно прав. Что ж, у тебя нетипичный для девушки, но идеальный для приговорщика склад характера. Можно работать с даром, не торопясь. В таких условиях шанс бесконтрольных приговоров минимален, а опыт применения окажется полезным для дальнейшего совершенствования.

– Скажите, а чего-нибудь хорошее я могу «приговорить» друзьям? – первым делом уточнила Янка.

– Увы, талант приговорщика – это дар, курируемый Силами Правосудия из Двадцати и Одной, он предназначен исключительно для наказания. То есть твое пожелание благ друзьям может осуществиться лишь в том случае, если сами друзья и Силы Правосудия одновременно сочтут его карой.

– Понятно, – понурилась девушка. Не выгорело! А так хотелось помочь напарникам!

– Что ж, давай для начала поговорим о том, как ты ощущаешь в себе действие силы приговора.

Девушка непонимающе нахмурилась. Преподаватель вздохнул, возвел черные очи к потолку, изучил плафон вполне заурядной лампы-артефакта и почти миролюбиво предложил:

– Опиши свои ощущения до момента формулировки проклятия.

– Такие же, как при заполнении энергией листа Игиды. Только ручеек щекочущийся не в лист, а просто через руку тек. Потом, когда меня с полянки для медитации гнать стали, я рассердилась, сказала, и они упали. – Янка смутилась, поскольку до сих пор чувствовала неловкость от того, что искупала в прохладной осенней водичке безобидных грубиянов-пророков.

– Гм, – покивал Сейата Фэро и, подавшись к ученице, с воодушевлением принялся объяснять тонкости владения редким талантом:

– Главные составляющие хорошего приговора – точность и краткость формулировки. Еще одна важная деталь – законченность. Последняя позволяет минимизировать объем подаваемой для приговора энергии. Приговор – это не лист Игиды, для активации которого необходим строго определенный объем силы. Удаленность объекта приговора и его наличие в зоне видимости – два дополнительных фактора, от которых зависит требуемый приговором объем энергии. Заимствование силы для приговора из внешних источников – это прекрасно. Зачастую неопытные приговорщики используют только личную энергию и, поскольку любое проклятие сопровождается эмоциональным выбросом, испытывают сильную слабость, вплоть до длительных обмороков. Подход к накоплению силы извне наиболее продуктивен и безопасен. Конечно, стоит для начала освоить базовые жесты, способствующие максимальной концентрации силы и ее удержанию на пике до мига приговора.

– Ой, а я вроде никаких жестов тогда не делала! – выдала девушка, отчаянно конспектирующая речь мастера. Обдумать ее и после можно будет.

– Сознательно – нет, – согласился Сейата. – Однако положение пальцев при добавлении звуковой составляющей приговора вполне могло совпасть с простейшей позицией для посыла.

– А-а, – только и осталось протянуть неопытной приговорщице, мысленно взвывшей: «Еще и какое-то положение пальцев!»

Яна, хоть режь, через год точно не могла припомнить мелких деталей происшествия. Вдобавок казавшаяся странной и даже немного страшной, но простой, способность на глазах обрастала все более сложными деталями.

– Лучше будет, если мы станем отрабатывать жесты и параллельно конспектировать, – сжалился Сейата и указал глазами на тетрадь студентки. – Рисовать умеешь?

– Очень плохо, – честно призналась Яна.

– М-да. Ладно, не важно, главное, чтобы сама смогла

разобраться в том, что изобразишь, – решил мастер и сложил руки перед грудью в почти молитвенной позе, то есть пальцы соединил, а ладони держал на расстоянии. – Позиция номер один – Стрела Пожеланий – чаще всего используется для приговора, состоящего из одной короткой фразы или слова.

Студентка добросовестно записала название и зарисовала стрелку. Причем плечики стрелки были сплошными линиями с надписями по бокам «Л.Р.» и «П.Р.», а древко изображалось пунктиром.

– Это что? – удивился лектор, ткнув в конспект.

– Позиция номер один – Стрела Пожеланий, – добросовестно зачитала преподавателю Янка, удивленная внезапной забывчивостью учителя.

– Вот это что? – уточнил вопрос Сатана, постучав острым бордовым ногтем по стрелке.

– Она и есть, позиция, – в свою очередь терпеливо объяснила очевидное девушка.

– Да… – протянул педагог, почесал рог и признал очевидное: – Ты действительно совсем не умеешь рисовать.

– Я же говорила, – пожала плечами студентка, не претендующая на лавры Рубенса или Микеланджело, чего уж там, она даже на Пикассо не замахивалась. Разве что квадрат, как Малевич, смогла бы изобразить, да и то лишь по линейке.

– Хорошо, – еще раз вздохнул Сатана, потом отобрал у Янки тетрадь и заодно ручку. Он буквально несколькими чрезвычайно четкими штрихами зарисовал различные позиции, сделав между рисунками отступы для конспекта.

Ручка летала по белому полю. Студентка наблюдала, полуоткрыв рот. Мастер действительно был мастером, и не только в предсказаниях. Так Янка не смогла бы нарисовать никогда, даже если бы угробила всю жизнь, пытаясь научиться.

– Иной раз внешняя разница в положении пальцев минимальна, а смысл позиции кардинально меняется, – объяснил преподаватель значение благотворительной акции и, вернув девушке тетрадь, продолжил объяснения.

Яна слушала. Из уважения к индивидуальной лекции и в благодарность за помощь с рисунками – особенно внимательно. Она так старательно строчила конспект, что звук ударившейся о косяк двери, нарушивший мирное течение лекции, прозвучал для студентки громче пушечного выстрела. А уж крик: «Где же она? Я хочу познакомиться!» и вовсе едва не лишил девушку слуха.

– Кто? – выпалил Сейата, чуть ли не с ужасом взирая на возникшую в дверях эффектную рогатую женщину с волосами кардинально малинового оттенка и коготками аналогичной

расцветки. В глазах визитерши горел фанатичный огонек, вернее, там плясал целый костер безумия. Грудь в обширном декольте бурно вздымалась, грозя покинуть провокационно тесный корсаж.

– Твоя невеста, сынок! – провозгласила эффектная красотка, устремляясь к мастеру на всех парусах широких ярких юбок всевозможных оттенков красного.

На юбках, кстати, имелись откровенные разрезы, демонстрирующие стройную бесконечность ног в кроваво-красных туфельках на высоченных шпильках. Потому движения женщины вполне можно было приравнять к акробатическому номеру средней сложности. Приблизившись, красавица так стиснула бедолагу Сейата в объятиях, что едва не придушила его.

– У меня факультативное занятие, я сейчас не могу разговаривать с тобой, мама, – попытался отмазаться преподаватель, изо всех сил пытаясь пополнить запас кислорода в легких. Когти, сжимавшие карандаш, медленно превращали предмет в щепу для растопки костерка лилипутов.

– Ничего, девочка подождет. Ты только скажи, когда представишь невесту семье! – отпустив потрепанного сыночка, беспечно махнула когтистой лапкой дамочка. Конечность со свистом разрезала воздух в опасной близости от щеки Янки, и студентка с готовностью закивала. Дескать, скажите этой странной женщине все, что она хочет услышать, и пусть уйдет побыстрее.

– Ты ошиблась, мама, никакой невесты нет, – торопливо забормотал мастер.

– Ой ли?! Лилия в семейном пруду выбросила бутон рядом с твоим цветком! – недоверчиво прищурилась красавица, уперев руки в бока.

– Я могу поклясться в том, что ни одна женщина не завоевала моего сердца, – приложил руку к груди замордованный допросом Сатана.

– И девушка? – испытующе уточнила дама.

– Ни девушка, ни парень, ни иное создание любого пола, – от всей души поклялся Сейата Фэро.

– Хм, странно, – цокнула языком маниакально жаждущая пополнения семейства красавица. – Ты не врешь. Ладно, стоит проконсультироваться с Хранителем Рода, когда он очнется от дремы. Возможно, пруд показывает грядущие перемены.

– Все возможно, мама, – смиренно согласился мастер и облегченно выдохнул, стоило только экстравагантной родительнице удалиться.

Едва за ней закрылась дверь, как от томной безнадежности замордованного нелепыми предположениями и жаждущего

продолжить обучение усердной студентки преподавателя не осталось и следа. Теперь перед Янкой сидел очень встревоженный мужчина. С минуту он что-то напряженно обдумывал, а потом стукнул кулаком по столу и воскликнул:

– Невозможно! Откуда цветок в пруду? Эта нелепая помолвка должна была развеяться за пару циклад, а минул почти год. Мы не проводили ритуалов подтверждения!

– Это все из-за того неправильного гадания? – опасливо уточнила Янка, сообразив-таки, откуда дует ветер.

– Да, – поморщился Фэро и так ожесточенно вцепился в волосы когтями, что рисковал остаться если не лысым, то «клочковатым».

Донская сочувственно вздохнула и несмело спросила:

– Может, это как с гаданием – чьи-то шутки или какие-то обычные дела посчитались за ритуал? У вас тут так все сложно. Вон я никого приговаривать не хотела, а ребята в воду бултыхнулись.

– Нет, чушь, – мотнул головой мастер и принялся педантично что-то цитировать: – «Ритуальными действиями считаются регулярные свидания между женихом и невестой, обмен приветствиями, передача посланий и подарков…»

– Так занятия у нас на первом курсе каждую цикладу были, вы с курсом каждый раз здоровались и прощались, раздавали пособия, а мы к семинарам индивидуальные задания готовили, сдавали вам на проверку работы. Вдруг это засчиталось? – осторожно сказала девушка, нервно поглаживая страницу с красивыми рисунками. – В книгах по вашим ритуалам нигде небось не написано, что свидания должны быть исключительно романтическими и проходить тет-а-тет.

– Драные демоны, – простонал преподаватель, которого прошиб холодный пот от того, насколько ладно немудреные рассуждения Янки легли на строгий регламент ритуальных брачных ухаживаний. – Все пропало, все совпадает! Она все каникулы пыталась меня с кем-то свести, замучила, а теперь и вовсе житья не даст.

Сейата Фэро со стуком уронил голову на парту. Загибающиеся вперед рожки глубоко вошли в несчастную и уж точно ни в чем не виноватую деревянную столешницу. Янка хотела было в утешение потрепать педагога по плечу, но вовремя отдернула руку. Вдруг этот странный регламент сочтет простую заботу окончательным подтверждением ритуала и сделает из них с Фэро супружескую пару? Не то чтобы мастер был девушке совсем уж противен. Мужчина видный, умный, при должности. Но рогатеньких и когтистых деток совсем не хотелось. Хотелось

обычных розовеньких карапузиков, пахнущих молочком, с нежной кожей и пушком волосиков. Как малышка у соседки, с которой Янка нянчилась на каникулах.

Полежав несколько секунд головой на парте, собеседник вскинулся и уставился на девушку с вновь вспыхнувшей надеждой.

– Все-таки мать могла что-то напутать! На нас нет меток будущей пары! У тебя ведь тело не чесалось? Никаких картинок не появлялось? – торопливо спросил мастер.

– Картинка – это такой маленький цветочек, похожий на кувшинку? – осторожно уточнила Янка.

Фэро снова боднул рогами многострадальную парту и жалобно попросил:

– Показывай.

– Не могу, – покраснела девушка, разглядевшая нынче в туалете странную татуировку на левой ягодице. – Цветок в таком неприличном месте, что я сегодня вечером хотела отругать напарника за дурацкие шутки. Вы лучше себя осмотрите. Вдруг у вас тоже что-то зудело там, где проверить не стыдно.

При слове «зудело» Фэро чертыхнулся, вскочил со стула и, запрыгнув на соседнюю парту, принялся торопливо стягивать с ноги черный с алыми искрами кожаный ботинок и длинный красный носок. Когти на ногах тоже были темно-красные и острые, хотя почему-то дырок ни в ткани, ни в обуви не делали. Но куда интереснее вопроса сохранности обуви оказался маленький рисунок на правой пятке учителя. Уже знакомый Янке по собственной ягодице черный контур кувшинки.

Сейата задрал ногу чуть ли не к самому носу, изучил татушку, ожесточенно поскреб ее когтем, даже послюнявил в безумной надежде смыть и обреченно чертыхнулся, вернее, вновь помянул демонов. При наличии рогов на голове и когтей проклятие звучало почти комично, если бы не отчаяние в голосе мужчины.

– И что делать? Как эти рисунки свести? – деловито спросила Яна. – Есть какой-нибудь выход?

– Только один, если не убивать никого из нас. Ты должна найти себе жениха. Хотя бы на время! Только так можно нарушить течение ритуала и разорвать узы! – потребовал мастер.

– Так, может, лучше вам невесту подыскать? – практично предложила Донская. – Вы вон мужчина видный, девушки таких любят.

– Я проводил ритуал помолвки. Мне нельзя, – с сожалением констатировал Сейата Фэро, пошевелил пальцами ноги и принялся натягивать носок.

– Да я как-то в кандидатах в женихи, тем паче в фиктивные женихи, не купаюсь, – озадаченно принялась накручивать кудряшку на палец помрачневшая Янка.

– Это в наших общих интересах! Постарайся! – теперь уже не приказал, даже не попросил, а практически взмолился учитель. – Если моя мать пронюхает о помолвке, она сделает все, чтобы меня женить. Вбила себе в голову, что хочет внуков, и нипочем не отвяжется. Поищи кандидата! Я даже готов заплатить твоему жениху.

– Если заплатить, то может что-то и получиться, – задумчиво кивнула девушка. – У нас поговорка есть: «Если проблему можно решить за деньги, это не проблема, а расходы».

– Сто пятьдесят золотых добровольцу-жениху, если попробуете управиться за цикладу. Если метка пропадет, еще пятьсот, – выпалил Сейата, с дикой надеждой взирая на невесту по недоразумению.

– Я попробую поговорить с друзьями, – согласилась Яна.

– Попробуй, только, пожалуйста, будь предельно осторожна с объяснением причин. Если до моей матери дойдет хоть тень слуха, мы и оглянуться не успеем, как окажемся спеленатыми супружескими обетами в храме Творца и у семейного алтаря, – простонал Сейата Фэро и обреченно глянул на открытый конспект. Совершенно очевидно, что продолжать занятие несчастный был не в состоянии. Все мысли крутились вокруг злополучных цветков, оккупировавших пятки, «неприличные места» и пруд. Он тщетно ломал голову над другим способом избавления от нежелательных украшений.

– Дайте мне пока список литературы, я в библиотеке возьму и почитаю в общежитии, а на следующем занятии все обсудим, – сжалилась над несчастным добрая Янка, подкинув самый простой совет.

Сейата рассеянно кивнул, столь же задумчиво пододвинул к себе тетрадь девушки и быстро набросал уцелевшей ручкой (карандаш восстановлению из щепок не подлежал) список в три пункта: «Искусство приговора как часть малефиции» Габоро Грабо, «Тонкости жеста судии» Валентайн Ловарски, «Энергозависимости: вина и кара» Кайра Люкцебург.

– Ясного вечера, мастер, – попрощалась студентка, когда ей удалось выдернуть тетрадь из задумчиво сжавшихся когтей отчаявшегося преподавателя.

Кажется, где-то в глубине своего сознания он уже прощался с драгоценной свободой и не знал, кого жалеть больше: себя самого или девушку, не в добрый час оказавшуюся ближе других к гадательному зеркалу. Хотя… если судить по свойственной всем

живым эгоистической повадке, себя Сейата Фэро, лорду Леоци, было жальче, да и темпераментной матушки он опасался не без оснований.

Янка вышла из корпуса провидцев и в легком сомнении остановилась. С одной стороны, неплохо было бы зайти в библиотеку, взять рекомендованные для изучения книги, потом подняться в общежитие и оставить там вещи. С другой – больше, чем к пище интеллектуальной, студентку тянуло к пище насущной, то есть к блюдам мастера силаторха. Потому она двинулась в сторону столовой. Все равно никому другому литература по специфическому разделу проклятий – искусству приговора – срочно в первый день занятий не понадобится. Не разберут!

Девушка шла по дорожке, прислушиваясь к голодному бурчанию в животе и веселому гомону студиозов, соскучившихся друг по другу за время разлуки. Ребята и девчата вовсю делились впечатлениями от каникул.

Со своими друзьями Янка точно так же болтала вчера. Она-то ничем особенным летом не занималась, ударный труд на даче и купание в речке – вот и все. Другое дело Лис, которого в качестве студента АПП, наследника и надежды рода, гордая бабуля протащила по всем, даже самым дальним, родственникам. Как чуял Машьелис, с целью найти достойную партию для дорогого внука. Внук времени тоже зря не терял и потрудился славно. Он тишком демонстрировал свои уникальные дарования по части проказ – так, что ни одной дамы сердца или жаждущих заполучить в зятья юного о Либеларо среди знакомых не отыскалось.

Хагу и Стефалю с каникулами повезло больше. Первый вообще большую часть времени провел где-то в горах, охотясь, и на побережье, рыбача, вместе с парой братьев постарше. Эльф же общался с Великим Лесом родного Эльвидара и тем был бесконечно счастлив.

А вот Иоле и Йорд, немного смущаясь, признались, что гостили у родственников сначала василиска, затем ифринг. Как истинную пару их везде принимали с радостью.

Воспоминание о счастливых влюбленных вновь вернуло мысли девушки к картинке на попе и поиску средства избавления от оной. Один раз Янку, погрузившуюся в раздумья, чувствительно толкнул в бок какой-то ретивый или особо оголодавший тощий летописец, но сила разгона оказалась ничем пред массой. Задумчивая девушка даже не замедлила хода. Лишь чуть заметно покачнулась, поведя плечом, а вот хлипкий парень отлетел в ближайшие колючие кусты, что придало посадке

незадачливого бегуна особый колорит.

Столовая гостеприимно распахнула двери всем голодным обитателям АПП. Теплый воздух обдал прошедшую в помещение девушку. Знакомый звонкий голос, позвавший: «Янка, иди скорей!» – подсказал, что с очередностью действий и маршрутом Донская не ошиблась.

Махнув напарникам рукой, девушка подошла к раздаче и облизнулась. Сейчас ей хотелось всего, и побольше, но в первую очередь мяса. Физическая нагрузка давала о себе знать.

– Что будешь? – доброжелательно буркнул силаторх.

Янка начала тыкать пальцами.

На ее поднос шлепнулись горшочек тушенного с грибами и травами мяса, похожего по вкусу на нежную свинину, тушка запеченной в сметане рыбы, лоханка салатика и толстенный ломоть ягодного пирога. В дополнение девушка выбрала кувшин с горячим травяным настоем и, поблагодарив замечательного повара, поспешила присоединиться к приканчивающим ужин ребятам.

– Чего такая хмурая? Очень голодная или занятие не понравилось? – с ходу принялся расспрашивать любопытный Машьелис.

Он выдал бы на-гора еще пяток-другой вопросов, да только ручища Хага, тяжелая и серая, похожая на камень, взметнулась и прихлопнула говорливый рот.

– Дай поесть, не видишь, Яна кушать хочет, – велел тролль.

– Вижу, молчу, а я почти сытый, и только это спасло твою руку от знакомства с моими зубами, – проворчал Лис.

– Если тебе твои зубы не нужны, кусай, – великодушно разрешил напарник, намекая на каменную твердость кожи троллей, которую не каждый меч в состоянии разрубить.

– Не буду, передумал! Вот такой я внезапный и непредсказуемый! – фыркнул юный дракончик и чуть ли не с рычанием впился зубами в отбивную с кровью, подцепленную с тарелки.

Янка благодарно кивнула обоим парням. Одному за то, что позаботился о спокойном ужине, второму за то, что интересовался ее делами. Вооружившись вилкой, девушка энергично принялась за еду. Тем временем Машьелис расправился с куском мяса – последним из своей немаленькой порции – и задумчиво уставился на ягодный пирог напарницы. На левом бочке сдобы выглядывала соблазнительная ягодка и запекся сладкий сок. Яна великодушно толкнула тарелку в сторону друга.

– Не надо, схожу себе возьму, – все-таки поимел совесть

дракончик, а может, решил, что таким крохотным куском все равно не наестся, и умотал к раздаче. Вернулся он не с одной, а с двумя порциями пирога.

Как раз к тому времени, как прожорливый растущий организм Машьелиса о Либеларо закончил изничтожение последних крох, Яна отодвинула в сторону опустевшую тарелку. Допила успевший остыть напиток и констатировала:

– Кажется, у меня проблема.

– Рассказывай, – разрешил Лис, довольно похлопав себя по тощему (и куда только ужин влез?) животу.

– Лучше об этом в комнате поговорить, – осторожно пояснила девушка.

– Н-да, мы такие пологи, как Стефаль, плести не умеем. Тонкая работа, – завистливо согласился посерьезневший дракончик и подскочил с места. – Пошли, в общаге расскажешь. Все равно твоя соседка у дружка допоздна заниматься будет. И ведь что самое удивительное, действительно заниматься! Все-таки ифринги и василиски – это какие-то слишком особенные расы!

– Они просто порядочные и учиться любят, – немедленно встала на защиту Иоле и Йорда собеседница.

– Вот и я о том же, – покивал с ухмылкой Лис.

Хаг отвесил напарнику легкий подзатыльник и принялся молча сгребать на поднос тарелки. Чего трепаться, если все уже и так сказано?

Трое друзей вернули грязную посуду, одарили повара-силаторха дежурными, но от того не ставшими менее искренними, комплиментами. Янка еще и жалобно попросила кашки на завтрак. В ответ компания получила неопределенный взмах половника, истолкованный как согласие, и отправилась в общежитие. Попутно, правда, Донская прихватила с подноса несколько пирожков на завтрак и сунула в сумку. Чего добру пропадать-то? Студенты точно все, приготовленное мастером, не съедят!

Глава 2
Большой секрет для маленькой компании, а также о пирожках и компоте

У дверей Лапы, как прозывалось общежитие, где проживали студенты Академии пророчеств и предсказаний, компания чуть не столкнулась со старостой факультета и по совместительству своим хорошим другом. Эльф брел куда-то с таким озадаченно-растерянным видом, какого друзья у него сроду не видели даже перед итоговым собранием старост факультетов. У деловито-спокойного юноши и волосы, обыкновенно лежащие на голове волосок к волоску – две косицы по бокам и золотой водопад посередине, – казались растрепанными.

Увидав друзей, староста приостановился и поздоровался:

– Ясного вечера. Яна, Хаг, Машьелис.

– Чего случилось, у тебя тоже проблема, Стеф? – вместо приветствия выкрикнул вопрос дракончик.

– У меня? Нет, – качнул головой эльф и дернул ухом. – Случилось кое-что очень странное. Но почему ты сказал – тоже проблема?

– Пойдем в общагу, – подтолкнул Хагорсон могучей рукой уже начавшего раскрывать рот напарника, уловив беспокойный взгляд Янки.

Увеличившаяся в размерах компания потопала на второй этаж здания, в общежитие блюстителей пророчеств. Озадаченный Стеф, почти машинально отбиваясь от желающих пообщаться студентов, привел друзей к своей комнате. Там хоть и не было замечательного, почти всегда горячего чайника и заначек с печеньками, зато имелось уникальное живое дерево, заменяющее удобную мебель. Попривыкнув и привязавшись к друзьям хозяина, оно стало даже мягче диванов с креслами! Да и шанс того, что кто-то ворвется в самый неподходящий момент разговора, был минимален. Умное растение не только умело ставить заглушку, препятствующую подслушиванию, но и мастерски блокировало веткой дверь. Выучилось за несколько лет, защищая честь хозяина от возжелавших горячей эльфийской любви юниц и даже юнцов.

Когда все расселись на удобных подушках в изгибах большого дерева, Стефаль, чуть сдвинув тонкие брови цвета спелой пшеницы, начал расспросы:

– Что у вас случилось?

– У Янки, – беспечно подпрыгнул на сиденье Лис.

Девушка вздохнула и первым делом предупредила друзей:

– Это тайна, и не только моя.

– Ясное дело, – махнул рукой дракончик. – Ты давай рассказывай. Здесь трепачей нет.

– Да ну? – натурально удивился тролль, сморщив лоб серой гармошкой.

– Таких, чтобы о тайнах друзей, выйдя за порог, болтать стали, – поправился блондинчик и озорно ухмыльнулся.

– На первом курсе на вводной лекции у мастера Сейата гадание не очень удачно прошло, помните? – уточнила Яна.

– Это когда из зеркала тварь полезла, потому что балбес-студент из предсказателей подсунул испорченную смесь Сатане? Ты тогда мастера столом долбанула, чтобы разорвать зеркальный контакт с монстром? – уточнил памятливый на казусные ситуации Лис.

– Да, – снова горестно вздохнула девушка. – Я вам не все тогда рассказала, потому что меня попросил молчать Сейата Фэро. Из-за той вредительской смеси гадание случайно превратилось в ритуал помолвки.

– Кого с кем? – тут же не преминул жадно вопросить блондинчик.

– Его со мной.

Стефаль, опровергая мнение о сдержанности эльфов, сдавленно охнул и округлил без того большие глаза.

– Так ты замуж собираешься? – крякнул Хаг, почесав пятерней затылок.

– Никуда я не собираюсь. Все случайно вышло и должно было само рассосаться, – отмахнулась Янка. – Да только этот идиотский ритуал счел наши лекции и семинары чем-то вроде ухаживаний. Сегодня явилась мама мастера с требованием представить ей невесту. У них где-то в пруду какой-то цветок появился.

– Ничего себе, родовой водоем зацвел! – присвистнул Лис, в отличие от напарницы явно сообразивший, о чем говорила мама Сейата Фэро.

– Мастеру едва удалось убедить ее в ошибке. Вот только. – Девушка в сердцах дернула себя за косу и насупилась. – Из-за этого ритуала не только в пруду, а и у нас на коже цветки-метки появились. Если быстро ничего не предпринять, мы станем по-настоящему считаться женихом и невестой. Мама мастера Фэро – это всесокрушающий таран в платье. Она мечтает женить сына все равно на ком.

– Какая нужна помощь? – пылко спросил Стеф, ради своей прекрасной дамы готовый на любые подвиги.

– Я так понимаю, ты замуж не хочешь? – практично уточнил тролль одновременно с эльфом.

– Метку покажешь? – заинтересовался дракончик, подавшись к напарнице.

– Не хочу. По воле дурацкого ритуала и уж тем более за Сейта. Я сама хочу выбирать и решать, – энергично кивнула девушка. – А помощь… В общем, мастер Фэро думает, что если я стану на время невестой кого-нибудь другого, то это нарушит ход ритуала и метки исчезнут. Нет, Лис, я не буду тебе показывать метку.

– Почему? – обиделся и как-то по-детски насупился Машьелис.

– Потому что раздеваться догола «на посмотреть» я буду только перед врачом или мужем, – сложив под грудью руки, отрезала Янка под одобрительное хмыканье Хага.

– Значит, тебе надо найти жениха, – подвел итог тролль.

– Да, мастер готов заплатить за это золотом, – объяснила девушка, поморщившись. Все-таки предлагать деньги, пусть и не свои, за то, чтобы кто-то сыграл роль жениха, было неприятно.

– Прости, Яна, я бы никогда не взял за такое денег у тебя или у кого-то другого, но наши ритуалы соединения не могут проводиться понарошку или на время. Слишком серьезно эльфы относятся к выбору спутника судьбы, – отчаянно розовея ушами, признался Стефаль, обеими ладонями вцепившись в живые подлокотники кресла.

Те с готовностью стали мяться, как пластилин. Бедное дерево не в силах было понять, чего желает хозяин, а если бы и поняло, то якорем в мире сомнительных выборов стать все равно не смогло бы.

– У нас вообще помолвок не бывает. Сразу женятся. На родовом валуне семейным топором ладони расхватят да кровь смешают, всего-то дел, – громыхнул Хаг и великодушно предложил: – Если ты хочешь, я тебе хоть сейчас предложение сделаю. Из тебя жена хорошая выйдет, только оно тебе надобно?

– Не-эт. – Яна энергично замотала головой и замахала руками. – Это же все равно что за брата замуж выйти. Ты уж извини.

– Да чего там, сам так же подумал, – хмыкнул тролль и почесал затылок.

– Сколько, говоришь, Сатана заплатить обещался? – деловито уточнил до сих пор молчавший и чего-то прикидывавший на пальцах Машьелис.

– Сто пятьдесят за попытку, если уложимся в цикладу, и пятьсот, если метка исчезнет, – с некоторым трудом припомнила финансовые подробности девушка. Цифры у нее в голове обычно надолго не задерживались.

– Тогда я согласен, – провозгласил дракончик. – Все равно на выходных в город собирались. Вот и зайдем в храм Ветров, браслетки нацепим.

– А бабушка ругаться не будет? – осторожно спросила Яна.

– Нет, конечно, – задорно ухмыльнулся Машьелис. – Я же ей ничего не скажу. А прудов с предательскими цветочками у нас в окрестностях замка нет.

– Храм Ветров?.. Может сработать, – поразмыслив, согласился Хаг. – Место-то относится к храмам Сил, демоническую помолвку перешибет, если благословение получите. Да и не неволят Силы никого никогда, значит, и расторгнуть такую помолвку сможете.

– Короче, уговор! А что у тебя случилось, Стеф? – оживленно потребовал ответа на новый вопрос Лис, сразу перебросив решенный вопрос в дальний угол шальной головы.

– У меня? – машинально переспросил эльф, явно находясь где-то не в «здесь и сейчас».

– О какой проблеме ты хотел поговорить? – напомнил тролль другу.

Янка, решившаяся было спросить про храм, название которого услышала сегодня впервые в жизни, и про то, как Лис собрался играть роль жениха, закрыла рот. В конце концов, ее беду обсудили и быстро нашли выход, значит, надо и о других подумать. Стефаль выглядел таким несчастным, замотанным, небось еще и не ужинал. Девушка залезла в сумку и сунула в тонкие пальцы эльфа еще теплый пирожок. Юноша машинально откусил, пожевал без всякого удовольствия, не замечая вкуса, моргнул и сказал:

– Деревья Игиды.

– И? – подтолкнул тормозящего длинноухого друга Лис.

– Вы же знаете, я по приглашению хранителей раз в цикладу работаю в Садах Игиды. Это честь для любого студента. Сегодня там упала большая ветвь одного из деревьев, – на диво кратко сообщил староста.

– Придавило или зашибло кого? – встревоженно охнула Янка.

– Не-э-эт, – как в замедленной съемке, покачал головой Стефаль. – Она просто рухнула. Потомок Игидрейгсиль, ее дитя, почти бессмертное, как само великое древо, сбросил ветвь! Ты не понимаешь?

– Нам только в этом семестре лекции по истории Игиды читать будут, – напомнил нахмурившийся тролль эльфу. – Ты же

знаешь, из каких краев Яна, она совсем не понимает.

– Дети Игидрейгсиль не болеют, они почти столь же вечны, как их вечная мать. Во всяком случае, куда более вечны, чем живые создания. Ни одно из деревьев на памяти хранителей сада никогда не страдало никаким недугом, – попытался объяснить староста и нервно сжал тонкие пальцы так, что пирожок превратился во фруктово-хлебную лепешку работы повара-абстракциониста.

– Так, может, оно от старости ветку скинуло, пожило-пожило, да и срок пришел, – предположил Лис.

– Хранители ничего не сказали, но я… Я знаю это дерево, ухаживал за ним. Оно было зрелым, сильным, ни на что не жаловалось. Сегодня же… молчит, а ветвь на поляне. Она стала похожа на камень, такая же мертвая, и кора, и листья, и цветы… Цвет не светлый, как обычно, серый с грязными разводами. – Стефаль совершенно натурально всхлипнул.

Янка разом позабыла про свои проблемы, вскочила, пересела в просторное кресло, с готовностью раздвинувшее сиденье для утешительницы хозяина. Девушка сгребла тонко-звонкого эльфа в сердечные объятия и тихонько шепнула:

– Поплачь, если хочешь.

Стефаль ткнулся носом в волосы Яны и судорожно вздохнул. Рыдать на плече у сердобольной подруги не стал, но, кажется, ему действительно полегчало от такого немудреного сочувствия.

– Будем расследовать? – азартно потер руки Машьелис.

– Ты знаешь что-то такое о болезнях растений, чего не знает Стефаль? – скептически хмыкнул Хаг и задумчиво пошевелил ушами.

– Не-а! Но если у детей Игидрейгсиль ветки ни с того ни с сего никогда не падали, а сейчас упали, то интересно было бы покопаться в этом деле, а, Стеф? – подмигнул печальному эльфу Лис.

– Не знаю, – с явной неохотой высвободившись из объятий Яны, признался эльф. – Я работал сегодня в другой части сада и не должен был видеть этого дерева, меня словно что-то притянуло. Киерама, дриада-предсказательница с пятого курса, трудившаяся там, выглядела очень встревоженной, когда беседовала с хранителем Тэйвом, мастером Байоном и ректором Шаортан. Я не слышал всей беседы, но одно уловил четко: с нее взяли обещание никому о случившемся не сообщать. Возможно, Лис прав: с детьми Игиды происходит нечто плохое, и это не естественный ход событий, а злой умысел.

– Вот и разберемся! – чуть ли не подпрыгнул на подушках дракончик, словно ему всадили в седалище шило,

провоцирующее на поиск приключений.

– В прошлом году мы уже влипли в одно расследование, – буркнул Хаг.

– И что, скажешь, плохо вышло? – запальчиво налетел на напарника Лис. – Да если бы мы в это не влезли, да если бы Янка там в нужный момент не оказалась, может, вообще бы в академии уже не было Прялки Судьбы, а то и самой Башни Судеб.

– Нам повезло, – констатировал тролль.

– Стефаль, ты тревожишься из-за деревьев и хочешь во всем осторожно разобраться? – участливо спросила у друга Яна.

– Да, только я не думал, что вы тоже захотите вмешаться. Рассчитывал рассказать и посоветоваться. Глупо, да? Я староста факультета, а вы второкурсники.

– В первую очередь мы – твои друзья. А с кем о проблемах говорить, если не с друзьями? Для чего они тогда нужны? Винище в кабаках хлебать да девок лапать? – сурово припечатал Хаг, как-то разом прекратив искать поводы для невмешательства.

– Вы – самые лучшие друзья, какие у меня были и есть, – светло улыбнулся растроганный эльф. – И я сам хотел осторожно во всем разобраться. С вами обсудить, если что-то узнаю.

– Одна голова хорошо, а четыре лучше, – объявила Янка, чуток переврав старую поговорку.

– Это ты никогда с гидрой не сражалась, – хихикнул Лис, в очередной раз увернулся от воспитательного подзатыльника напарника и констатировал: – Но мы поняли, что ты имела в виду, и согласны. Так что, Стеф, даже не думай без нас в это лезть, а то мы начнем лезть без тебя, чего-нибудь наворотим, и тебе, старшему, мудрому и вообще старосте, будет глубоко за нас стыдно, а еще больно из-за подзатыльников от преподавателей.

Стефаль впервые за весь разговор по-настоящему улыбнулся. Ему действительно стало легче. Выговорился и нашел сообщников или соратников. Все зависит от того, с какой стороны и кто будет трактовать деятельность свежесозданной следственной группы студентов.

– Иоле с ее парнем посвятим в проблему? – задумчиво уточнил у компании Хаг, побарабанив по обиженно отодвинувшемуся от вандала подлокотнику.

– Думаю, да, – согласился староста. – Пусть все идет как в прошлый раз. На удачу.

– Удача она такая, любит странные ритуалы и странных типов, – весело согласился Машьелис.

– Вот оно что, а я-то все думаю, почему мы до сих пор не отчислены и не убились, – протянул тролль и ухмыльнулся.

– Так, что у нас завтра? – Лис не полез за расписанием в

сумку, а просто выжидательно уставился на напарников.

– Знаки, расоведение, лекарское дело, практическая в теплицах и история Игиды – сводная лекция мастера Ясмера у трех факультетов, – не тратя времени на проверку по записям, просветил друзей тролль, скривившись при упоминании последнего предмета и имени лектора.

– Значит, первым делом попробуем пристать в теплицах к мастеру Байону, спросим про болезни Игиды, – потер ладони дракончик.

– Может быть, у Ясмера что-то спросить получится? – неуверенно предположила Яна.

– Спросить-то можно, да только я как его «Основы Мироздания» вспомню, так и от будущей «Истории Игиды» в дрожь бросает, – мрачно обронил Хаг.

Ему каждая лекция мастера в прошлом семестре давалась тяжело. Головные боли, отродясь не преследовавшие тролля, буквально замучили парня, терзая до занятий, во время и после них. Несколько раз у него даже кровь носом шла, как у какой-нибудь слабосильной девицы. Так что аллергическая реакция на мастера и его предмет у страдальца выработалась стойкая. Янке и Лису лекции дались немного полегче.

– «История Игиды» более доступна для понимания, – вставил Стефаль с искренним сочувствием. Эльф тоже помнил яркую палитру неприятных ощущений, сопровождавших тщетные попытки постичь непостижимое.

– Ну-ну, поглядим, – без особой веры кивнул Хагорсон.

– Я бы попробовал поговорить с Киерамой, но, коль она дала мастерам слово молчать, ничего не выйдет… – задумался о линии расследования эльф.

– Интересно, а наш декан в курсе всего? – Лис рукой вывел в воздухе неопределенную загогулину.

– Наш декан всегда в курсе всего. С таким-то носом, – ухмыльнулся Хаг и прибавил: – Да и с ректором они добрые друзья. Ты хотел декана расспросить?

– Я? Расспросить? – удивился Лис и даже руками замахал. – Не, не, не! Это я к тому, что за Гадом стоило бы приглядывать. Вдруг чего увидим и услышим? Вот как раз Йорда и Иоле попросим. Василиск-то наш талантливый и прилежная Иоле на факультатив по артефакторике ходят.

– Имеет смысл, – согласился Стефаль и смущенно добавил: – Но мне не нравится мысль, что ребятам придется подслушивать.

– Какое «подслушивать», Стеф? Не подслушивать, но на всякий случай иметь в виду нас, жаждущих спасти деревья Игиды практически любой ценой, – возмутился дракончик и практично

поправился: – Исключая собственные жизни и здоровье, разумеется.

Янка хихикнула. Все-таки ее первое впечатление о некоторой трусоватости друга оказалось верным. Машьелис о Либеларо не был паникером и трусом в полном смысле этих слов. Однако психологическая травма, старая по меркам людей и совсем свежая по меркам почти бесконечного драконьего века, давала о себе знать. Лис то бросался с головой в омут приключений, будто хотел перечеркнуть все свои страхи, то отступал, словно вспоминал о них. Друзья понимали состояние напарника и давить на него или тем паче издеваться, никогда не пробовали. Зато, похоже, во многом благодаря именно тем давним страхам у Машьелиса выработалось уникальное чутье на неприятности. Он как будто заранее знал, куда можно лезть, не особенно рискуя, а с чем или с кем лучше и вовсе не связываться во избежание проблем.

Стефаль улыбнулся ехидной речи дракончика и махнул рукой, давая добро. Но тут же нахмурился. Рука оказалась какой-то липкой из-за раздавленного пирожка с ягодами. Эльф растерянно осмотрелся, крошки от почившей смертью храбрых сдобы, рассыпанные по дереву-диванчику, уже почти успели впитаться. Буквально на глазах хозяина исчез самый последний крупный кусок пирога, провалившийся сквозь моховую подушку. Может, свидетелям и показалось, но дерево причмокнуло. Пошевелив грязными пальцами, Стеф опустил их на подлокотник и через несколько мгновений поднял совершенно чистую руку. Дерево слизнуло остатки.

– Я и не знал, что у тебя дерево сладкоежка, – удивился Хаг.

Запасливая Янка молча слазила в сумку и вручила эльфу еще парочку прихваченных из столовой пирожков.

– Я тоже не знал, – признался Стеф и задумчиво прибавил: – Оно само не знало, что любит сладкое. Теперь знает.

– Значит, будешь поливать его компотом, – хихикнула девушка, припоминая книгу Булычева, и прибавила: – Теперь главное, чтобы оно за тобой не начало ходить по коридорам, клянча добавку.

– И пирожки из столовой не научилось тягать, – прибавил Машьелис, поднимаясь и потягиваясь всем гибким телом.

Эльфу осталось только согласиться с насущной необходимостью лично удовлетворять новые потребности древесного питомца и надеяться на то, что тот не будет преследовать его вне стен комнаты, выпрашивая добавку, и действительно не пойдет грабить столовую.

На этой продуктово-растительной ноте первое совещание

юных заговорщиков из Клуба любителей овсянки, посвященное спасению Игиды, было закончено. Янка направилась в библиотеку, а уже оттуда, получив все три книги по списку Сейата Фэро, в общежитие. Ноша была не тяжелой, но разнокалиберной и несколько громоздкой, в сумку литература не влезла, и пришлось нести ее в руках. Навстречу девушке шел Пит Цицелир, столь же синеволосый, сколь и капризный сирен. Он подкидывал в левой руке и перебирал пальцами какие-то мелкие фиолетовые мячики. Завидев однокурсницу, парень отвлекся от своего занятия и хотел что-то сказать. Вот только лавры Юлия Цезаря студенту стяжать не удалось. Попытка говорить и жонглировать одновременно привела к тому, что один мяч выскользнул из пальцев, скакнул на пол, спружинил, отскочил к Янке и пребольно саданул по голени. Будто не мелкий мячик ударил, а чугунное ядрышко. Выносливая и в общем-то терпеливая девушка невольно взвыла.

Быстро сунув в карман два оставшихся мячика, разиня кинулся ловить сбежавший, изливая на пострадавшую поток оправданий:

– О, неудача! Яна, надеюсь, ты не слишком пострадала? На каникулах я сильно повредил руку, когда нырял в пучину у Штормовой гряды за жемчугом золотой луны ради подарка матери на глубинные торжества. Наши целители запели мою рану, но былую подвижность пальцы пока не обрели. Я упражняюсь…

И вместо того, чтобы выяснить, насколько же серьезно пострадала однокурсница, Цицелир затеял драматический рассказ о своих героических деяниях и всех перипетиях лечения. «Я… я… мне… мое… я…» – так и сыпалось изо рта сирена. Впрочем, парень был в своем репертуаре, ничего другого Яна от него и не ждала. Если и удивилась, то лишь тому, что об «ужасной трагедии» еще не знал весь факультет. Как ему сегодня удалось сдержаться на занятиях и не вывалить на ребят подробности, неизвестно. Наверное, приберегал свою драму на завтра, чтобы стать героем дня. Сегодня студенты, занятые первыми лекциями и общением после каникул, не уделили бы «несчастному герою» должного внимания.

– Пит, я пойду ногу намажу, пока синяк не налился, – мужественно послушав минут пять и растеряв остатки терпения, вклинилась Яна в хвастливый рассказ.

– А? О? Да… – насупился вдохновенно вещавший сирен, но тут же оживился и почти побежал навстречу следующей жертве. В коридор в недобрый для себя час угораздило выйти Еремилу.

Янка невольно улыбнулась, представив, как болтливый сирен

будет вылавливать однокурсников по одному и каждому живописать в красках великую травму и личную стойкость, позволившую ему выжить. До ночи треть курса точно успеет обработать, а остальных, наверное, на всю цикладу растянет для удовольствия.

В комнате девушка сгрузила книги на стол и пошла в ванную. Именно там стояла заветная, полная больше чем наполовину баночка с мазью от доктора Лесариуса. Склянка осталась со времен лечения последствий головокружительного полета сильного, но легкого Машьелиса, ухитрившегося всего парой фраз настолько достать местную королеву красоты, что та натравила на паренька своего поклонника. Поскольку Яна из троих друзей оказалась самой успешной собирательницей синяков и шишек, дракончик великодушно презентовал мазь напарнице, оставив за собой право пользования продуктом. Правда, за весь минувший год лишь пару раз приходил за лекарством. На Лисе и так все заживало, нет, не как на собаке, а как на драконе.

Намазанный зеленой мазью синяк практически сразу перестал ныть. С удовольствием принюхавшись к целебному средству, Яна плотно завернула крышку. Она как раз ставила баночку на полку, когда хлопнула дверь и раздались негромкие голоса. Потом Иоле, обнаружившая у порога туфли подруги, позвала:

– Яна, ты вернулась?

– Да, – откликнулась та и вышла к друзьям. – Хорошо позанимались и погуляли?

– Чудесно. – Мечтательная улыбка девушки стала наградой галантному кавалеру.

Василиск улыбнулся в ответ любимой и вскинул бровь.

– Как каникулы, Яна?

– Здорово! Хорошо родных повидать. Соскучилась жутко, отсюда-то даже не позвонить. Хотя в АПП есть один большой плюс…

– Учиться интересно?

– Ну да… Учиться, наверное, во многих вузах интересно, – вяловато согласилась девушка и ткнула пальцем в окно. – Зато здесь все еще тепло, плащик или кофту накинул – и беги, а у нас дома сентябрь холодный и слякотный, жуть. После осени зима нагрянет, снег полгода лежать будет.

– Ого! Хорошо, что в мире Игиды таких морозов никогда не бывает, – кивнул Йорд, передернув плечами. Холодов василиск, пусть и был теплокровным, в отличие от своих неразумных сородичей не любил. Наверное, сказывалась родовая память.

Иоле привычно принялась хлопотать по хозяйству, ставить

чайник. Янка, спохватившись, выложила на блюдо остатки пирожков из столовой и сразу, пока не отвлеклась на что-нибудь, сказала:

– Мы сегодня расстроенного Стефа встретили. В Садах Игиды, кажется, что-то случилось с деревом. Машьелис предлагает разобраться.

– Рассказывай, – заполучив чашку с травяным отваром, попросил Йорд. Он прихлебывал, полуприкрыв веки, и всеми силами пытался не демонстрировать авантюрный огонек в глазах. За год общения с тройкой друзей степенный василиск-летописец умудрился подхватить неизлечимый вирус – тягу к приключениям.

Янка рассказала все как есть. Об уже известном, о том, что и как компания собиралась делать дальше и какую роль заочно отвели отсутствовавшей парочке.

– Интересно, – подвел итоги Йорд. – И не кажется чем-то опасным. Но действительно интересно. Кстати, вы про письменные источники забыли. Мы с Иоле библиотеку навестим.

– Огурчиков для библиотекаря Холоротха возьмите. Я из дома еще баночек привезла, – предложила Яна.

– Варенье крыжовниковое? – умильно захлопал ресничками василиск, распробовавший иномирный сладкий продукт до такой степени, что за выставленную на стол банку никто с ним конкурировать не решался.

– Крыжовниковое тебе, земляничное декану, вишневое Стефалю, смородиновое Машьелису, аджику и лечо Хагу, – перечислила девушка.

На этот раз она тащила в академию не пять, а шесть сумок с продуктами. На семейство Донских произвел сильное впечатление рассказ Яны об обеспечении быта и потребностей студентов. Потому, узнав о том, каким успехом пользуются их домашние заготовки, родные, очарованные Гадом, нагрузили кровиночку варенья-соленьями по полной программе. Шутка ли, их девочка так хорошо занимается, что ее на каникулы – с каникул сам декан доставить не брезгует!

С преподавателем студентка честно рассчиталась сразу после переноса себя и груза в АПП. Выделила из НЗ целых три банки. Судя по томно-хищному взгляду, которым декан ласкал лакомство, варенью недолго оставалось пребывать в неприкосновенности. Максимум до вечера первого учебного дня.

Наскоро посвятив друзей в план расследования, Янка оставила парочку чаевничать, а сама сбежала в ванную. После физкультуры она не рискнула принимать душ. Ветерок сегодня казался слишком прохладным. Зато сейчас поплескаться можно

было не торопясь, чтобы дать влюбленным возможность побыть тет-а-тет, а себе позволить расслабить в горячей воде уставшие мышцы и смыть пот с тела. Дополнением к общим планам стало привычное упражнение-пятиминутка на заполнение энергией листочка Игиды. Лампочкой он по-прежнему ни в какую сиять не желал, но некоторые подвижки все-таки были заметны. Изначально узенькая каемка по краю пустого листа расширилась с нескольких миллиметров почти до трехсантиметровой ширины и пошла неровными волнами. На горбике эти «волны» были аж на две трети листа. Чтобы заполнить энергией весь лист, девушка тратила минут семь – десять, не меньше, да и это пока получалось через раз. Но она не очень-то расстраивалась. Пробовала, тренировалась, пыталась… Что ж, Москва не сразу строилась, мало-помалу станет и у нее получаться так, чтобы знаки Игиды можно было применять! Время до второго семестра второго курса еще есть.

Глава 3
Как получить желаемое?

Утро началось не с успевшей довести до бешенства на первом курсе гнусавой и пронзительной дудки, а с привычного звона колокола. Нет, звучал он, конечно, для ушей меломанов гораздо приятнее, вот только эта приятность никак не перекрывала громкость. Если проклятая дудка, казалось, дудела прямо в уши, то колокол, по первому впечатлению, и вовсе бил внутри головы. Попытки спрятать оную под подушку не помогали. Зато, когда Янка наконец продрала глаза и села на кровати, звук каким-то образом перестал быть раздражающе громким и всеохватывающим. Наверное, так работала артефактная магия АПП.

Мысль не успела оформиться окончательно, колокол замолк. Похоже, перебудил всех студентов. После расслабляющей каникулярной жизни входить в ритм не хотелось. Янка, позевывая, умылась. Расчесалась замечательной расческой – подарком Стефа. Волосы стали немного более послушными и куда более густыми, чем раньше. Таков оказался результат почти годового использования шампуня, изготовленного кентаврами. Супруга Быстрого Ветра, мастера расоведения, польщенная похвалами девушки в адрес шевелюры мужа, взялась регулярно снабжать студентку составами собственного изготовления. Яна была очень благодарна Ясной Заре, шампуни замечательно пахли, легко мылились, и волосы после них совсем не путались, правда, из-за того, что стали втрое гуще, возиться с прической меньше, чем раньше, у девушки все равно не получалось.

Приведя себя в порядок, соседки потопали из общежития. По пути они здоровались с немногочисленными в ранний час приятелями и знакомыми. Проходя мимо двери в комнату напарников, Яна привычно стукнула по ней кулаком. Столь же привычно в ответ хлопнули ладонью по стене и заорали:

– Сейчас!

Девушки не замедлили хода, все равно Хаг и Лис догнали компанию в считаные секунды и азартно забарабанили по двери Стефаля. Кавалер Иоле ждал внизу в холле. Там же нагнал друзей и староста. Дракончик самым внимательным образом изучил сумку напарницы и уточнил:

– Варенье к каше взяла?

– Взяла, – согласилась Янка.

– Какое? – вытянул шею Машьелис, будто хотел пронзить

ношу девушки рентгеновским лучом.

– Вишневое, для Стефа.

– Почему? – Парень насупился, точно обиженный карапуз. Длинные реснички часто затрепетали, будто голубоглазая «деточка» смаргивала навернувшиеся слезы. – Значит, вот ты как с ж…

Договорить он не успел, потому что губы прихлопнула массивная ладонь Хага.

– Муха, – невинно пожал плечами тролль, пользуясь старой как мир отмазкой.

– Где? – взвился Лис.

– Улетела, болтливый ты наш, – буркнул тролль, многозначительно нахмурившись.

– Для Стефа, чтобы ему настроение поднять, – спокойно объяснила Яна, глянула на часы и предложила: – Хочешь смородиновое, давай вернемся, я еще баночку прихвачу.

– Хочу! – энергично согласился дракончик и, подхватив под локоток напарницу, поволок ее в обратную сторону под смешки всей компании и проходивших мимо студентов. Кто-то даже поинтересовался, насколько у парня зачесалось и успеет ли он почесать все до занятий или решил чесаться вместо оных.

– Завидуйте! – огрызнулся, гордо задрав нос, Машьелис и, дождавшись, когда Янка откроет дверь, быстро спросил: Так ты им не рассказывала про Сейата?

– Нет, конечно, Йорд все равно ничем мне не поможет. А Иоле я зачем буду волновать? Как-нибудь справимся, – вытаскивая с нижней полупустой полочки небольшую баночку смородинового варенья, отозвалась Яна.

Большую часть домашне-сумочного запаса Янка вчера сдала коменданту Олхрокху. Так повелось еще с первого курса. Когда в первом семестре через пару циклад занятий землянка озаботилась поддержанием съедобного состояния продуктов, она по совету радеющего за сохранность любимого варенья Гада договорилась с силаторхом. После очередной взятки маринованными огурчиками у деловитого силаторха нашлось место для негабаритных запасов студентки.

– Хм, пожалуй, Хаг был прав, когда за мухой погнался, – смущенно фыркнул Лис.

Чувствовать себя дураком он не любил, но ошибки признавать умел. Впрочем, долго себя винить тоже не был способен, потому шустро поинтересовался, заглядывая Янке через плечо: – Чего баночка такая маленькая?

– Чтоб не слиплось, – добродушно усмехнулась девушка, застегивая сумку и захлопывая дверцу шкафа. – Пошли!

Машьелис задумался на пару-тройку секунд, потом выдал:

– Это технически невозможно. От варенья.

– Ты имеешь шанс стать первым, но, чур, не по моей вине, – рассмеялась Янка, подталкивая друга к двери.

Варенье-то было при них. А каши в столовой. Их с легкой руки, вернее, после молитвенной просьбы Янки, стал в ассортименте варить повар-силаторх. Блюда неожиданно пришлись студентам по вкусу. Потому кастрюльки расхватывались первой партией ранних «пташек». Соням и опозданцам этаких «червячков» не доставалось.

Друзей парочка нагнала уже у дверей столовой. Всей гурьбой ребята ввалились в помещение и оккупировали раздачу. Растущие организмы нуждались в завтраке! Каша сегодня была рисовая! Ну и что, что местный рис оказался чуть зеленоватым? На вкус он все равно оставался рисом, и молочная каша оставалась молочной кашей. Загрузив себе на поднос еще тарелку с воздушным омлетом и булочку, Янка потопала к столу. Шустрый Машьелис уже вооружился ложкой и жадно ждал сумку подруги, вернее, вожделенное варенье из нее. Свободную от ложки левую руку прожорливый дракон занял вилкой с наколотой на нее отбивной. Вернее, тем, что он нее осталось. К тому времени, когда девушка присела и выставила банки на стол, Лис управился с двумя немаленькими кусманами мяса и готов был посвятить всего себя каше с вареньем. Или варенью с кашей. Второе с точки зрения употребления дракончиком любимого продукта звучало более верно.

Остальные питались более скромно. Хотя на фоне аппетита щуплого напарника даже прожорливость тролля выглядела всего лишь как легкий перекус. Наверное, подумалось Янке, все дело в специфическом метаболизме, отвечающем за необходимость питать не только человеческий организм, но и драконий облик.

– О чем задумалась? – подмигнул напарнице Лис.

– Почему ты так много ешь, – честно отозвалась Яна и, прежде чем Машьелис успел обидеться, поделилась своими соображениями по поводу двух форм.

– Ну да, – пожал плечами парень, извлекая из баночки смородинового варенья последние капли и облизывая палец.

– Интересно было посмотреть, – бесхитростно улыбнулась девушка. – Как-нибудь покажешь, какой ты дракон?

– Как-нибудь, – почему-то поспешил замять тему Машьелис.

Хаг, вдруг проявив неслыханную тактичность, переключил внимание компании:

– Я вчера в лесу нашего Авзугара видел во второй форме. Здоровый, чистый горный великан, а не медведище. Может, какая

горная разновидность? Мех густой, серый с черными разводами, воротник на груди белый. Красавец!

– А как ты его узнал, если он был медведем? – удивилась Яна.

– Он обернулся при мне, – ухмыльнулся тролль. – Попугать чуток хотел, да я его за шкирку поймал, а второй рукой гортань пробить собирался. Тролльи пальцы, сами знаете, коли уж вцепились, не разожмешь.

– Это могло быть опасно, – неодобрительно покачал головой Стефаль, задумчиво перебиравший вилкой салат.

– Не-эт, он шутковал, да и я не всерьез на бой нацелился, чуял, что дело нечистое, – беспечно отмахнулся Хаг.

– Как ты весело провел первый день в академии, – иронично подметил Йорд.

– А то ж, – усмехнулся Хаг, за разговором не забывая наворачивать какую-то разновидность плова. – Прибыл рановато, друзей нет, заскучал, вот и пошел прогуляться.

Янка доела кашу и глянула на шар-часы под потолком столовой. Как-то очень быстро летело время в приятной компании за вкусной едой! Жаль только расписания занятий из-за прихоти студентов никто перекраивать не собирался. Первыми ушли Йорд и Иоле, чуть позже, не удержавшись от соблазна стрескать добрую половину банки вишневого варенья, Стефаль.

Янкина тройка уже собиралась на лекцию по знакам, когда над головами ребят пророкотало:

– Где варенье на раздаче брали?

– Где брали, там уж нет, – оповестил Машьелис, нахально запрокидывая голову и встречаясь с озадаченным взглядом здоровенного, похожего на великана детины.

Кажется, Янка видела его в прошлом году на первой общей лекции ректора Шаортан, но издалека. Потому студент и не произвел на нее тогда столь подавляющего впечатления.

После слов дракончика кустистые брови вопрошавшего задвигались, он явно пытался осмыслить сказанное. Грубое, точно вырубленное топором лицо приняло озадаченное выражение.

– Я из дома варенье привезла, – поспешила вмешаться Янка, пока озадаченность все еще миролюбиво настроенного бугая не переросла в агрессию, чреватую для Лиса очередным полетом на длинную дистанцию и травмоопасным приземлением. Старичок-то с молотком, то есть лекарь Лесариус, все вылечит, но, во-первых, напарника жалко, а во-вторых, полновластный повелитель половников – мастер Вархимарх – мог разгневаться и отлучить нарушителей мирной процедуры питания от деликатесов.

Явственное разочарование проступило на физиономии

великана. Добрая девушка подвинула к нему ополовиненную баночку вишневого варенья.

– Возьми, если хочешь. Мне все равно початую банку таскать в сумке неудобно, еще крышка соскочит, тетради зальет, – предложила Яна.

– Благодарствую, – громыхнул в ответ здоровяк, порылся в кармане, хлопнул на стол какой-то булыжник, сграбастал баночку, казавшуюся в его лапе детской игрушкой, и двинулся прочь.

– Это чего он нам на стол кинул-то? – озадаченно хмыкнул тролль, изучая приличный, с куриное яйцо, сероватый камень.

– Ух ты! – Ноздри Машьелиса жадно раздулись. – Янка, да ты на своем варенье так заработаешь, что всю жизнь отдыхать сможешь! Это ж алмаз! Крупный! Чистой воды будет, как огранят! Коготь даю!

– Может, он его случайно обронил? Спросить надо бы, – неуверенно предположила девушка, собираясь вернуть потерю владельцу.

– Заплатил он тебе так! И не вздумай возвращать, за оскорбление примет! – взвился дракончик и, не дожидаясь от напарницы разумного решения, сам схватил камень и запихал его Янке во внутренний карман сумки.

За препирательствами и выяснением вопроса собственности на драгоценные камни время на завтрак практически вышло. Компании пришлось чуть ли не бежать в корпус.

Декан Гад, длинноносый тип с темной шевелюрой, больше похожей на иголки ежа, за дверь опоздавших не выгонял. Но лучше бы поступал именно это. Нет, он отыгрывался на проштрафившихся студентах со всем богатством фантазии. И отработки с мытьем лестниц в Башне Судеб являлись самым обыденным и легким из пестрого и постоянно видоизменяющегося набора кар склонного к творчеству педагога. Так что даже самые безалаберные студиозы, не следящие за временем, старались являться в лекторий пред декановы очи вовремя.

Привычно усевшись за второй стол, Янка, Хаг и Машьелис внимали мастеру. Третировать расслабившихся за каникулы ребят он не стал. Читал обычную лекцию по знакам, ненавязчиво включая расхолодившийся за лето коллектив в процесс повторения. Приводил примеры взаимодействия новых символов Игиды с уже изученными.

– Знак ЛИГОР олицетворяет воду во всех ее проявлениях. В сочетании со знаком ИРИ чаще всего… – вещал Гад. Резко прервался, заметив отвлекшегося от лекции Картена, бросил

вопрос. – Студент Рос, не напомните нам значение знака ИРИ?

– Э-э-э, – начал мычать что-то невнятное голубокожий хулиган, отчаянно шаря глазами по аудитории в ожидании подсказки.

Добрая толстушка-хоббит Таата шепнула ему одними губами: «Воздух». Парень бойко озвучил ответ. Но Гад не был бы Гадом, если бы на этом воспитательный допрос завершился. Подсказку он заметил и девчушке простил, а вот Картена вызвал к доске и потребовал запечатлеть знак ИРИ рядом со знаком ЛИГОР.

Парень взял магическую указку, игравшую в академии одновременно роль карандаша и указующего перста регулируемой длины, чуток помялся и вывел загогулину, чем-то напоминавшую барашка, нарисованного трехлеткой, или моток проволоки, запутанной любителем головоломок.

– Сколько, по-вашему, витков в знаке, студент Рос? – выгнул бровь Гад, намеренно загораживая допрашиваемому вид на аудиторию.

– Э-э-э, три, – с апломбом выдвинул предположение нахал.

– Три, значит. Что ж, на следующем семинаре вас ждет персональная контрольная по знакам, а сегодня после лекций будете тренироваться в искусстве счета. Поручаю вам пересчитать плиты на площади Башни Судеб. И, Картен, если это число не сойдется с реальным, завтра вы будете не только пересчитывать, но и мыть количество плит, равное разнице между действительным и подсчитанным. Садитесь!

Ставший синим вместо голубого студент вернулся за парту, удостоился страдальческого вздоха Максимуса, по долгу дружбы собиравшегося присоединиться к арифметической отработке, и взялся за ручку, а заодно и за ум. Гад, свершив возмездие, как ни в чем не бывало возобновил лекцию.

Янка, по обыкновению, усердно писала, старалась понять и в итоге столь же привычно отключилась от попыток постижения сути. Правда, сейчас отключение у девушки произошло не во второй половине лекционного часа, как в начале первого курса, а ближе к последней трети.

Но из аудитории студентка выходила с чувством облегчения и мысленной галочкой о необходимости перечитать лекцию если не сегодня вечером, то на выходных обязательно.

– Идите, я на пару слов к декану подойду и нагоню, – попросил Машьелис.

Хаг и Янка спорить не стали – надо так надо. В чужие секреты они, в отличие от своего напарника, совать нос никогда не стремились. Захочет – расскажет сам.

– Чего тебе, о Либеларо? – деловито поинтересовался Гад,

бегло просматривавший заметки, а может, и штрафную контрольную какого-то первого «счастливчика».

– Пропуск в город в день библиотечной работы на меня и Янку, – бодро отрапортовал дракончик, пожирая декана верноподданническим взором, или попросту нагло таращась.

– А в хранилище главного городского банка тебе пропуск не выписать? – язвительно уточнил дэор.

– Хорошо бы. – Машьелис мечтательно зажмурился и аж причмокнул губами, представляя груды золота, серебра, драгоценных камней. Ох и повалялся бы на них юный дракончик, почесал шкурку. – Но вы ведь все равно не дадите.

– Не дам, – согласился Гад. – Так зачем тебе пропуск? Библиотека академии вполне способна удовлетворить запросы второкурсников.

– Способна, но нам надо в город. По личной надобности. Очень надо. И именно в этот день, а не в выходной, когда в город рванет вся академия, – проникновенно пояснил парень без привычного паясничанья, даже ладошки с аккуратным маникюром сложил перед грудью чашечкой в просительном жесте.

– Хм, если так надо, – задумчиво дернул носом-сосиской декан, будто измерял им не только степень правдивости слов студента, но и величину нужды, – подпишу. Если влипнете в неприятности, до конца года даже в выходной за ворота шагу не сделаете.

– Как можно о нас так плохо думать? – обиделся Лис.

– Я о вас правильно думаю, о Либеларо, потому и предупреждаю, – огрызнулся декан, заполняя пропуска.

Дождавшись, пока Гадерикалинерос выведет имена студентов и дату разрешенного выхода за врата АПП на двух пластинках – пустых листочках Игиды, – дракончик цапнул их со стола и расцвел благодарной улыбкой:

– Спасибо, мастер.

– Ступай, – отмахнулся декан и только что не прибавил, как какой-нибудь священник: «И не греши, чадо мое».

Машьелиса как ветром сдуло. Он нагнал друзей и, насвистывая нечто веселое, вприпрыжку зашагал рядом. Хаг покосился на радующегося жизни напарника и только головой тряхнул.

Следующая лекция, по расоведению, была хоть и более трудным упражнением в скорописи, зато куда более понятным и интересным. Какую бы тему для рассказа ни выбирал Быстрый Ветер, рассказывать скучно кентавр просто не умел.

Возле закрытой аудитории (вот что за моду взяли запирать

учебные помещения?) скопился весь второй курс блюстителей пророчеств. Ребята гомонили и строили версии-объяснения запертым дверям, одну абсурднее другой. По части нелепости лидировали три предположения в исполнении Картена, Цицелира и веселящегося Авзугара: кентавр сломал правую заднюю ногу, правую переднюю или обе руки разом.

Но вот ударил колокол, и дверь в лекторий распахнулась. Только это был вовсе не лекторий, а пещера, заполненная зеленоватым светом, тенями, шебаршением, скрежетом камней и далекой капелью сочащейся со сталактитов воды.

– Кто назовет тему урока? – бодро вопросил здоровый на все четыре ноги и обе руки лектор, неслышно, как индейский охотник, выступая из сумерек.

– Пещерники? – не особо раздумывая, выпалил Картен, покосившись на Титу Елбаст.

– Наги, – попытал удачи Еремил.

– Дроу, – тихонько предположила Таата, опасливо округлив глаза.

– Гоблины, – спокойно пискнул свою версию староста, расправив уши-локаторы и зубасто улыбаясь. Ему модернизированный кабинет точно пришелся по нраву.

– Разумеется, кому как не гоблинам знать, как выглядит самая уютная пещера, – по-доброму усмехнулся Быстрый Ветер и притопнул передним правым копытом, регулируя интенсивность иллюзии и уровень освещения, чтобы дать студентам возможность пробраться за парты.

– Кто может обосновать, почему иным расам этот замечательный уголок не придется по вкусу? Ольса, есть версии? – не дожидаясь, пока ребята рассядутся, продолжил бомбардировку вопросами Быстрый Ветер. Сам он отошел к плоскому куску скалы в половину своего роста. Именно так сегодня выглядела кафедра.

– Тут сыровато, наги же, по сути, разумные сухопутные пресмыкающиеся, предпочитают сухие пещеры, – отметила дриада.

– У кого есть другие версии? Юнина?

Эльфийка покусала губку и продолжила рассуждения подруги:

– У левой стены расположена грибница фиолетовой мрянки. Пещерники не только не едят ее, но и стараются извести в местах своего обитания. Споры этого гриба – сильнейший аллерген для большинства разумных. Насколько мне известно, из жителей неглубоких пещер мрянку употребляют в пищу лишь гоблины и дроу. Но дроу, как и наги, не любят сырых мест, и

флуоресцентный мох в их обиталищах имеет голубоватый, а не зеленый оттенок.

– Неплохо, – оценил кентавр. – Твои познания выходят за рамки изученных тем. Как насчет того, чтобы рассказать нам о значении мрянки в жизни гоблинов на следующем занятии?

– Буду рада, мастер, – вежливо склонила головку Юнина. И ведь не из вежливости, она и впрямь была рада заданию. Подбирать материал по растениям эльфийке всегда нравилось почти так же сильно, как Ольсе.

Напарница Юнины, вампирша Ириаль, лишь пренебрежительно фыркнула. Она бы, пожалуй, предпочла поискать что-нибудь о паучьих ритуалах жриц Ллос. Кроваво, мрачно и захватывающе! Но сегодня студенты проходили каких-то жалких гоблинов!

– Нерушимых сводов, студенты! – озвучил новое приветствие по теме урока Быстрый Ветер, оглядел группу, пришедшую в относительно рабочее состояние, и начал лекцию. Кивком головы указав на старосту, кентавр сказал: – Внешность студента Кайрая Рахода является типичной для представителей народа гоблинов. Зеленоватая или буроватая плотная кожа служит для защиты и маскировки. Крепкие заостренные ногти и тонкие пальцы делают руку способной к манипуляциям как с тяжелыми орудиями, так и с хрупкими предметами. Невысокий рост дает возможность передвигаться в тесноте подземных пещер. Там, где более высокие или массивные глубинные жители неизбежно застрянут, гоблин пройдет, не сгибаясь. Глаза с узким зрачком, чутко реагирующим на свет, позволяют гоблинам ориентироваться при скудном освещении, чуткие уши облегчают эту задачу и заменяют зрение там, где свет отсутствует. Скажи, Кайрай, что написано в левом верхнем углу пещеры.

– «Домашнее задание – фольклор гоблинов, – быстро прочитал староста. – Одно произведение на выбор».

Янка же, даже прищурившись, смогла различить в дальнем мрачном углу лишь тени. Народ восхищенно зашумел. Еремил даже присвистнул.

– Кроме того, гоблины отличаются… – продолжил Быстрый Ветер и замолчал. Во всяком случае, большей части студентов показалось, что замолчал секунд на пятнадцать. И потом продолжил: – Озвучь окончание моей речи, Кайрай.

– Чрезвычайно острым слухом, – пискнул староста, поведя своими лопушками. Пожалуй, он был слегка удивлен тем, что никто другой кентавра не слышал.

– Верно, – просиял лошадиной улыбкой лектор и продолжил рассказ, перейдя к истории и основным занятиям расы, как то:

горное дело, целительство, алхимия и артефакторика…

За два лекционных часа он умудрился надиктовать более десяти страниц и список дополнительной литературы для желающих еще на страницу. И это Янка еще кое-что слушала, а не записывала, щадя уставшую руку. Хорошо было Машьелису. Вредный дракончик являлся амбидекстером и с равным успехом использовал для конспектирования обе руки. Причем завидовала о Либеларо не только напарница. Даже прилежные Юнина с Ольсой частенько поглядывали на парня с откровенной завистью.

Из пещеры студенты выползали, полностью проникнувшись гоблинской атмосферой, со сведенными пальцами и бурчащими от голода животами.

– Обед! – мечтательно, таким тоном впору произносить имя возлюбленной, протянул Хагорсон, потягиваясь всем мощным телом.

– И не говори, я готов силаторха вместе с половником сожрать, – поддакнул Картен.

– Они ядовитые, – с насмешливым фырком бросила через плечо Ириаль.

– Половники? – испугался Машьелис.

– Силаторхи, – процедила вампирша, сморщив хорошенький, хоть и хищный носик. После конфликта с комендантом девица сочла необходимым изучить потенциального врага и была неприятно поражена его мощью – фактически неубиваемостью и несъедобностью. О чем сейчас, чуть замедлив шаг королевы, и поведала внимающим массам.

– Вот так карты Привратник кинул, – искренне удивился дракончик.

– Такие несуразные внешне и такие опасные, – согласно рыкнул Авзугар. Оборотень оценил рассказ вампирши по достоинству.

А Янка упрямо подумала, что силаторхи очень хорошие, а грозным и опасным любой стать может, если его обидеть. За весь прошлый год от сухопутных осьминогов девушка видела только пользу, в отличие от кое-каких вполне гуманоидных с виду студентов.

Блюстители толпой валили в сторону столовой. Вот только замешкались на несколько секунд, когда стремительно несшийся в первых рядах Пит горестно вскрикнул и стал столбом.

– Ты чего? – озаботилась Тита, насупив и без того густоватые брови.

– Шарик один потерял. В сумке дыра, – горестно воскликнул сирен. И такая боль потери была в его голосе, что Авзугар, вероятно успевший вчера попасть на лекцию о «героическом

нырянии и поврежденной руке», пренебрежительно рыкнул:

– И чего вопить? Невелика потеря. Новый купишь. Сумку зашьешь, или вон девчонок попроси, коль сам с иглой не дружишь.

– Ты ничего не понимаешь, – издал еще более страдальческий стон Цицелир, тряхнув длинными синими волосами и воздев свободную от ноши тонкопалую руку со складками перепонок. – Это не просто шарики, это дар прекрасной леди, чьи тайну и дар я поклялся хранить…

– А-а, так бы сразу и сказал: подружка подарила и зашибет, коль о потере прознает, – пожал широкими плечами равнодушный к чужому горю оборотень. Нет, все-таки не совсем равнодушный, потому что прибавил: – Как на свиданку к ней побежишь, купи цветов, сластей, а лучше побрякушку с камешками. Девицы это страсть как любят. Враз помягчеет и простит.

Сирен в ответ издал серию многозначительных страдальческих стенаний и замолк. Компания обогнула его скорбящую фигуру и двинулась дальше к столовой. Янке однокурсника было жаль, но очень-очень хотелось есть. Она сейчас ничем говорливому и напыщенному парню помочь не могла, да и Лис, чувствуя настроение сердобольной подруги, решительно подхватил ее под руку и потянул за собой. Как у сильного, но легкого получалось тащить за собой девушку вдвое толще его и выше почти на голову, оставалось большой драконьей тайной. Наверное, Машьелису тоже очень хотелось кушать, причем кушать непременно в обществе Янки и Хага.

Обед был хорош всем, кроме пары моментов. Он слишком быстро закончился – раз, и наедаться от пуза перед работой в теплицах студентам настоятельно не рекомендовалось – два.

Впрочем, большая часть вечно голодной братии (особенно парни) все равно метала харчи, рассчитывая на то, что по дороге до теплиц у лекарского корпуса еда в животе утрясется.

За желтым зданием, вмещавшим лазарет и аудитории для лекций и занятий, стояло несколько парников и три гигантские теплицы. Именно они предназначались для практической работы студентов. Теплицы с оранжереями, где выращивались растения для нужд столовой академии, располагались значительно дальше, правее от лесопарка.

Мастер Байон не любил лекций, предоставляя право вбивать сухую теорию в головы студиозов своему коллеге и другу – целителю Лесариусу. Сам же всем иным видам работ предпочитал возню с растениями и землей.

Он ждал второкурсников у второй теплицы, но времени зря

не терял. Щелкал секатором, подправляя крону куста с очень полезными, хоть и кислыми, как смерть от лимона, синими ягодами. Ягоды, правда, уже давно собрали, и теперь мастер укорачивал слишком разросшиеся ветви, мешающие свободному проходу по дорожке. Кожаный фартук, повязанный поверх толстого брюшка и груди Байона, не давал колючкам разодрать рубашку. Руки с толстыми, как хорошая сарделька, пальцами двигались так ловко, что у куста не имелось ни одного шанса поквитаться с обидчиком. Срезанные ветки мастер складывал в аккуратную вязанку. Как чувствовали студенты, им еще придется ощипывать с них листья или кору для приготовления чего-нибудь этакого – не сейчас, так попозже. Просто так мастер Байон не делал ничего и никогда.

Возможно, он занимался преступным ничегонеделанием где-то за пределами академии или в укромном местечке АПП, куда не заглядывали глазастые студенты. Вот только никто очевидцем шоу «Мастер бьет баклуши» до сих пор не стал.

– Ясного дня, студенты, – гулко поприветствовал молодежь толстяк и убрал секатор в крепление на поясе. Пояс у мастера по числу помещенных на него инструментов, приспособлений и странных штуковин, названия которых Янка не знала, конкурировал с поясом мастера Лесариуса. А если считать параметром соревнования массу, легко выигрывал.

Студенты поздоровались с учителем и стали, не дожидаясь подсказки, разбирать фартуки и перчатки со стойки у входа в теплицу.

– Вот, решил на досуге крушевицу к сезону отдохновения приготовить, – поделился с ребятами толстяк. – И кусту и вам, коль живот прихватит, польза немалая. Про отвар вам мастер Лесариус поведает, а я так скажу, что кору пожевать можно, если припечет. Только норму свою вам еще высчитать предстоит. Пока по веточке припасите.

Янка без споров достала полотняный мешочек и, так же как и другие, убрала в него небольшую ветку колючего кустарника.

– Ой, мастер, глядите, а что это на листе-то? – выпалил удивленный Машьелис, ткнув пальцем в беловатую пузырящуюся кучку, больше всего напоминающую плевок.

– Харкнул кто-то на куст, – хохотнул Картен. – А ты вляпался, ага?

– Странно, от пузырянки мы участок обрабатывали. Неужто такая пакость завелась, какую взвесь иора не берет? – озабоченно нахмурился толстяк и заквохтал вокруг куста, как у ложа любимой деточки с внезапно подскочившей температурой. В считаные секунды он повторно осмотрел все листики и кору

растения и с облегчением выдохнул: – Нет, всего одна кладка. Наверное, кто-то из студентов на подошве паразита принес. Говорили вам, говорили – вытирайте ноги перед опытным участком! Да вы, лентяи, вперед не глядя несетесь! Нет чтобы задержаться чуток, подолждать, пока мох всю пакость соберет.

«Так вот зачем перед теплицами дорожки из мха», – запоздало сообразила Янка.

– Вы же не говорили, мастер, зачем ноги вытирать, – пискнула Таата откуда-то из-за спины напарника Еремила.

– Сложно спросить? А про сагфарум почитать в библиотеке, коль сами его не признали? – возмущенно запыхтел толстяк, всплескивая руками. – Стало быть, так, к следующему занятию все мне по пятистраничному реферату напишут про мхи полезные, что в академии растут. Чтоб не меньше семи видов описали и сагфарум обязательно упомянули!

Не в добрый час пискнувшую про «не говорили» малявку однокурсники одарили очень благодарными взглядами. Машьелис, проявляя то ли благородство, то ли странное любопытство, продолжил расспросы:

– Что за пузырянка такая, мастер, чем она опасна?

– Червь такой, мелкий, буро-зеленый, не больше пальца моего, толщиной с дождевого червя будет. Траву, почитай, любую лопает. Ну да один червяк не страшен, а вот перед смертью он яйца откладывает. – Байон уличающе ткнул пальцем в «обслюнявленный лист». Из одной такой кладки более пятидесяти личинок народиться может. Давай, глазастый, сорви да в чан с жидким иором брось.

Машьелис подцепил пострадавший листок двумя пальцами, стараясь не перепачкаться в «слюне», и отнес к металлическому баку с левой стороны от теплицы. Поднял плотно пригнанную крышку за дужку ручки и бросил добычу. Крышка с глухим «банг» встала на место. Байон одобрительно кивнул.

– Мастер. – Внезапно дракончик вскинул голову, осененный ужасной мыслью. Голубые глаза расширились, и даже локоны чуть ли не дыбом встали. – А студенты-то не могли такой пакости в подземный лес детей Игидрейгсиль на первой экскурсии занести ненароком? Мы же ноги ничем не вытирали!

– Нет, – покачал головой учитель и знаток природы со снисходительной, но поощрительной улыбкой, адресованной радетелю за Игиду. – Деревья Игиды, выросшие на корнях вечной Игидрейгсиль, неуязвимы для недугов, свойственных как обычным, так и волшебным растениям. Не тревожься!

Какая-то тень беспокойства, впрочем, все-таки мелькнула на челе мастера.

Упрямый Машьелис между тем не унимался и настойчиво продолжал расспросы с искренней надеждой на положительный ответ:

– Совсем-совсем неуязвимы? Правда, мастер?

– Мне неведом такой недуг, какой мог бы одолеть деревья Игиды, – ответил Байон, и, как это ни странно, Янка поверила, что учитель говорит чистую правду.

Это что же выходит? Если он видел и знает о случившемся с деревом Игиды, у которого почернела и оторвалась ветка, то все равно не знает, чем оно заболело? Нехорошо. Значит, прав Стефаль, что так беспокоится.

– Теперь вас ждут сбор пасерики и увлекательный рассказ о полезных свойствах этого замечательного растения, – скомандовал мастер Байон, хлопнув в ладоши.

Студенты дружным табунчиком устремились в недра теплицы, пышущей ароматом влажной земли и листьев. Будь такая «маленькая» тепличка у Янкиных родных, урожаем огурчиков можно было бы кормить не всю семью и соседей, а, пожалуй, половину поселка.

На историю Игиды наработавшиеся и отмытые в умывальнях лекарского корпуса студенты шли не дружной толпой, а отдельными стайками по интересам, зависящими большей частью от того, кто успел отмыться раньше других.

Янку напарники дождались. Первым делом девушка простодушно восхитилась тем, как удачно обнаружилась кладка паразита на кусте. Задать все нужные вопросы сразу же получилось. Хаг в ответ громогласно расхохотался, хлопнул дракончика по плечу и объявил:

– Вот он, наш паразит! Полюбуйся, какой крупный! Кадушки иора на него нету!

Машьелис о Либеларо хитро подмигнул подруге и, приосанившись, гордо объявил:

– Такого, как я, иором не возьмешь!

– Так ты плюнул на листок? – догадалась-таки Янка.

– Ага, – скромно согласился находчивый парень и надвинул капюшон куртки пониже.

Начал накрапывать мелкий дождик. Из таких, что промочить не промочит, только настроение испортит. Хаг прятаться от небесной влаги не стал, напротив, шел, запрокидывая серокожее лицо. Даже уши из трубочек расправил в лопухи. Вскоре вся голова парня покрылась крошечными капельками воды, сделав тролля похожим на ожившую статую.

Глава 4
Червячная

Чем ближе к корпусу подходили ребята, тем медленнее становился их шаг. Подсознательно никому не хотелось на лекцию по истории Игиды. Надо-то надо, но жуть до чего неохота. И все-таки второкурсники всех трех факультетов собирались в лектории. Том самом, где состоялась первая вводная лекция ректора Шаортан, и откуда студентам открылся проход, ведущий в подземный сад Игиды.

Мешкавшие до последнего ребята валили в аудиторию толпой. Ни один тунеядец не хотел опоздать и нарваться на индивидуальное занятие и самостоятельное изучение темы вкупе с последующим пересказом усвоенного.

Ириаль, плавно покачивая бедрами, шла впереди Янкиной тройки. Вдруг она споткнулась и дернулась. Высокий тонкий каблук сапожка вампирши застрял между плитами пола и от слишком сильного рывка с хрустом надломился. Упасть красотка, разумеется, не упала. Тем паче что вперед метнулся Еремил и предупредительно подхватил девушку под локоток.

– Это знак! – патетически провозгласил Машьелис. – Дарованный близостью сада Игиды знак!

Студенты, спешащие на лекцию, особенно предсказатели, насторожили уши.

– Ириаль, пора переходить на спортивные тапки! Только в них тебе не грозит опасность остаться без ног! – завывая, выдал дракончик.

Слушатели грохнули. Вампирша злобно оскалилась, вырвала локоть у Еремила и пронеслась вверх по ступеням. Со сломанным каблуком бегать было не слишком удобно, потому приземлилась Шойтарэль на втором ряду и завозилась, снимая обувь. Наверное, собиралась оценить нанесенный ущерб.

Юнина, явно не одобряющая выходку Машьелиса, поспешила вслед за напарницей. Еремил досадливо упрекнул парня:

– Зачем ты так?

– С нашей красотки лишнюю спесь сбить никогда не вредно, – пожал плечами остроумец и, прищурившись, заметил: – Тебе, Ерем, лучше девицу попроще подыскать. Наша фифа на тебя если и сподобится глянуть, то только в качестве закуски. Неужто за год не понял?

– Я сам разберусь, – неожиданно резко огрызнулся обыкновенно бодрый и не унывающий студент, тряхнув челкой

светло-русых волос. Впрочем, на разборки времени уже не оставалось. Ударил колокол. Янка, Хаг и Машьелис едва успели занять места на первом ряду. Садиться сюда после лекций по основам Мироздания находилось немного охотников.

Быстрым шагом в аудиторию вошел кареглазый симпатяга-лектор. Правда, симпатичным его почти никто из девушек, намучившихся с непонятными конспектами, не считал. Если только самые отъявленные мазохистки, да и те, наученные горьким опытом, нежные чувства выказывать не стремились. Стоило один раз намеренно пропустить занятия, и потом приходилось сидеть на дополнительных занятиях Ясмера, раз за разом пытаясь сдать материал. Слезы, страдания и боль фирма с каштановыми локонами и пробивающимися над сочными губами усиками гарантировала!

– Ясного дня, студенты, – деловито приветствовал аудиторию лектор. Положил папку на стол и, как обычно, без конспекта обратился к слушателям: – Сегодня мы начинаем краткий курс лекций по истории Игиды. По результатам курса в этом семестре вам предстоит сдать зачет. Как обычно, явка на лекции и ведение конспекта обязательны. Если пропускаете тему, отчитываетесь мне по ней в индивидуальном порядке. Тема для понимания доступна, потому жалоб на самочувствие быть не долж…

– А-а-а-а, – раздался вопль, плавно переходящий в истошный визг с порыкиванием.

Звуки исходили от вампирши. Девушка не просто вопила, она босыми ногами взобралась прямо на стол. (Похоже, обуться до начала занятий вампирша не успела.)

– Ириаль, что случилось? – Надалик вскочил, собираясь рвануть к перепуганной красавице, но был остановлен резким движением руки лектора, применившего какую-то магию.

– И подобные выходки тоже недопустимы, – отчеканил Ясмер и скомандовал: – Слезьте, студентка!

– Не-э-эт, – наотрез отказалась Ириаль, постукивая клыками от страха.

Лектор перестал сурово хмуриться. Красивое лицо приобрело озадаченное выражение. Он спокойно и почти заботливо, так врач обращался бы к пациенту из палаты с мягкими стенами, уточнил:

– Что вас напугало?

– Он полз и кусался! – выпалила подрагивающая и кривящаяся от брезгливого ужаса Ириаль, продолжая сидеть на столе. – Ненавижу!

– Кто полз? – по-прежнему вкрадчиво уточнил Ясмер, осторожно приближаясь к психованной девице.

Ближайшие соседи студентки, напротив, постарались

отодвинуться от нее подальше.

– Червяк! Фиолетовый червяк! Ненавижу червяков! – взвизгнула вампирша. Бледное лицо ее пошло красными пятнами. Причем странный румянец затронул не только скулы, но и лоб, подбородок, лебединую шею.

– Где же сейчас ваш червяк? – поинтересовался мастер и почему-то бросил взгляд в сторону двери. Может, собрался выйти в холл и вызвать студентке доктора?

– Не знаю, уполз! – отмахнулась от дурацкого вопроса пострадавшая. – Укусил меня и уполз!

В подтверждение своих слов Ириаль выгнула ногу и показала багровый, как от ожога, след на лодыжке. От этого места тонкими лучиками по ноге расползалась краснота. Похоже, шутка Лиса обернулась правдой: ходить в чем-то, кроме спортивных тапок, красавице-вампирше было строго противопоказано.

– Сделайте же что-нибудь, мастер! Ей плохо! – воскликнул Еремил, бессильно сжимая кулаки.

Ясмер цепким взглядом впился в ногу девушки и отдал приказ:

– Всем студентам залезть на столы, подобрать ноги. Никто не покидает аудиторию.

Обрадованные странным поворотом лекции, перепуганные и увлеченные происходящим второкурсники шустро принялись штурмовать парты. В считаные секунды деловитый вид аудитории, готовой к ответственной лекции, изменился.

Тем временем лектор залез в кошель на поясе и достал пластину. Сломал ее, вызвав облачко зеленой пыли, и четко проговорил:

– Целитель Лесариус. Срочно нужна помощь студентке, отравленной при контакте с неизвестным созданием, предположительно неким червяком. Ректор Шаортан, тварь до сих пор не найдена. Прошу прибыть!

– Я отравлена? – взвизгнула Ириаль, схватилась за пострадавшую ногу и принялась щупать ее так, словно хотела исцелить массажем.

– Возможно, но я не исключаю обычную аллергическую реакцию, – педантично ответил Ясмер и деловито посоветовал: – Постарайтесь до прибытия помощи поменьше двигаться и не волноваться. Статичная поза и размеренное дыхание способствуют замедлению кровообращения, а следовательно, и распространению яда с током крови.

Выдав инструкцию, сам мастер Ясмер следовать примеру студентов и забираться с ногами на кафедру не стал, но отступил вверх, на ступеньку лекционного подиума, и очень внимательно

шарил глазами по сторонам, особенно по полу.

Подмога прибыла незамедлительно. Первым в портал шагнул старичок-молоток, следом за ним явилась ректор Шаортан. Каким-то чутьем профессионального целителя среди кучи возбужденных и перепуганных ребят Лесариус мигом вычленил пострадавшую. Не бежал, а все равно как-то в один миг оказался рядом и ухватил подвывающую девицу за шкирку. Переглянулся с напряженно принюхивающейся дракессой, дождался ее кивка и сломал новую пластинку Игиды. В раскрывшемся портале лекарь исчез вместе с всхлипывающей то ли от боли, то ли от страха пациенткой. Воцарилась звенящая тишина. Теперь уже все студенты поняли: у них проблемы. И хорошо, если не смертельные.

Ректор Шаортан стояла рядом со столом, откуда сняли Ириаль, и продолжала задумчиво принюхиваться. Спустя несколько секунд дракесса нагнулась и вытащила из-под стола сапожок вампирши со сломанным каблуком. Вот только теперь каблук выглядел не столько сломанным, сколько изгрызанным или разъеденным и обмазанным какой-то лиловой слизью.

– Ого! – восхитился шепотом Лис, которому с первой парты открывался замечательный вид. – Так Шойтарэль себе не просто каблук сломала, а еще и вымазала в чем-то едком?

– Где она его сломала? – резко нависла дракесса над болтуном.

– Там, у нее каблук там застрял, – вжал голову в плечи Машьелис и ткнул пальцем в нужную сторону.

Ректор одним летящим прыжком преодолела расстояние и склонилась над полом, продолжая принюхиваться. Выбросила вниз руку с удлинившимся до состояния тонкого клинка ногтем на указательном пальце и извлекла из-под плит пола нечто небольшое, примерно с сосиску, фиолетовое и явно дохлое, раздавленное невезучей Ириаль.

Держа объект на весу, дракесса еще раз принюхалась и решительно зашагала назад, вверх и вдоль второго ряда столов. Снова нагнувшись, мастер вынырнула из-за столов с каким-то фиолетовым крошевом в свободной руке. Казалось, коса Шаортан, как хвост дракона, жила своей жизнью и, выдавая нервозное состояние, хлестала женщину по бокам. Задумчиво хмурясь, дракесса переложила крошево в руку с насаженной на коготь фиолетовой «сосиской» и слазила в сумочку за листом Игиды. Через образовавшееся зеленое облачко, точно такое же, какое создавал Ясмер для переговоров с несколькими абонентами, ректор позвала:

– Мастер Байон, мастер Анита, нужна ваша консультация!

Через считаные секунды в аудитории стало на двух преподавателей больше. Если Байона, знатока растительного мира, второкурсники-блюстители уже знали, то женщину в мантии цвета свернувшейся крови, с короткими пепельными волосами, смуглой кожей, лиловыми глазами и надменным видом королевы, снизошедшей к ничтожнейшему из подданных, видели впервые. В столовую учителя предпочитали проходить через двери для преподавательского состава и пользоваться магической картой заказа, чтобы лишний раз не толкаться среди студентов. Однако имя показалось Яне знакомым. Машьелис тут же зашептал напарникам, сидящим на парте в одной куче:

– Анита? Коготь даю, эта дроу и есть Анита Клиог ап Рас, наш мастер по созданиям, существам и сущностям.

Поприветствовав коротким кивком явившихся на зов учителей, Шаортан продемонстрировала им фиолетовое крошево и дохлое нечто.

Байон озадаченно нахмурился, явно не зная, что и думать. Анита же вытащила стилет и наколола на него дохлятину. Цепко осмотрела мертвую тварь, стряхнула на пустой стол. Пересыпала себе на ладонь скорлупу, найденную Шаортан, подцепила двумя пальцами один из осколков и медленно растерла его, понюхала и процедила:

– Червь нидхёг и скорлупа его личинки. Откуда?

– Тварь вылупилась здесь. Укусила или ужалила ученицу, – вступил в разговор Ясмер, приблизившийся к коллегам.

– Значит, нидхёг, – помрачнела Шаортан и констатировала: – Этот мертв, раздавлен, но я чую слабый след второй твари, уводящий прочь.

– Девушка пострадала, случайно коснувшись слизи, покрывающей тело червя. Червь не жалит и не кусается, он не питается плотью. Ему нужны сила и магия, – качнула головой лиловоглазая женщина. – Он попытается добраться до пищи любой ценой, пройдет сквозь любую преграду, дерево, камень…

Прислушивающихся к откровениям студентов явственно передернуло. Большинство, особенно пророки, обладавшие живым воображением, нарисовали себе живописную картинку «пронзания» собственной драгоценной плоти никем, кроме Ириаль, не виданным фиолетовым червяком, и устрашились. В фантазиях ребят загадочный червь обретал пропорции гигантской змеи и зубы дракона. Да что студенты, после слов Аниты резко вскинулись и обменялись встревоженными взглядами даже ректор и мастер Байон.

– Как же тогда Ириаль такого червя раздавить умудрилась? – не утерпев, вылез с вопросом любопытный Лис и тут же втянул

голову в плечи, ожидая нагоняя.

Анита подцепила со стола пострадавший в борьбе со страшным червяком сапожок и внимательно изучила:

– Хм, набойки из когтя железного грифона. Нам повезло, одним существом меньше.

Отбросив сапог назад на стол, к червяку, женщина деловито предложила ректору:

– Ищите. Твоего чутья, Шаортан, хватит, чтобы отыскать червя. Когти дракессы сработают не хуже грифоньих. А я займусь выяснением того, кто пронес личинку в лекторий.

Ректор и толстяк-учитель сорвались с места, как выпущенные пули. Спроси Янку, кто был быстрее, она не смогла бы ответить. Внешне неповоротливый пухлик Байон двигался необычайно проворно.

Ясмер же, оставшись с коллегой среди второкурсников, невозмутимо поинтересовался:

– Мы можем разрешить студентам сесть или до сих пор существует угроза?

Высокомерная дама с короткой стрижкой повела головой, то ли принюхиваясь, то ли раздумывая, покачала рукой с остатками скорлупы, позаимствованной у ректора, и согласно кивнула:

– Пусть садятся. Но с лекцией, мастер, еще немного подождите.

Когда ребята снова расселись и чуток успокоились, Анита заговорила. Голос ее чеканил каждое слово, не как монету, как клинок:

– Кто-то принес яйцо в лекторий. Я жду признания!

Студенты подавленно молчали. Может, среди них не было виноватого, а может, как подумала Янка, виноватый испугался не меньше пострадавшей и теперь банально боялся признаться. Так же, как тогда, на первом курсе, не решились признать свою вину Максимус и Картен, сорвавшие печать со свежего свитка пророчества.

– Значит, нет? – презрительно проронила Анита, гневно раздув ноздри. Глаза ее, напротив, опасно прищурились. – Трусость и малодушие – качества, позорные для любого из студентов АПП! Что ж, молчите, я сама найду виновного!

Анита тряхнула волосами и, сотворив рукой какой-то загадочный символ, вспыхнувший сиреневым, решительно зашагала вверх по проходу. Остановилась грозная леди как раз напротив подрагивающего от ужаса Цицелира и прошипела:

– Зачем ты это сделал?

– Что? – взвизгнул сирен.

– Принес яйцо опасного червя в лекторий, – рыкнула Анита,

нависнув над парнем.

– Я ничего не приносил! Ничего! – затрясся сирен, пытаясь отшатнуться от суровой обвинительницы, вот только сзади находился другой стол и далеко уползти никак не получалось.

– Эй, а скорлупа-то пахнет, как твои тренировочные мячики, – ляпнул сидящий за соседней партой и принюхивающийся Авзугар.

– Мои шарики? – так растерянно и удивленно ляпнул сирен, что Анита лишь досадливо скрипнула зубами. Студент, какое бы безобразие ни сотворил, понятия не имел об опасности своих игрушек. Оставалось только набрать в грудь воздуха, с шумом выдохнуть и процедить команду:

– С вещами на выход! За мной!

Огорошенный обвинениями и зловещим видом преподавательницы Цицелир, не прекословя, выполз из-за стола, машинально цапнул сумку и, подволакивая ноги, побрел за суровой преподавательницей. Лектор же, дождавшись, когда за парочкой закроется дверь, вернулся на рабочее место и невозмутимо провозгласил:

– Продолжаем лекцию!

Небо могло упасть на землю, но, дождавшись завершения процесса, мастер Ясмер стряхнул бы обломки небосвода с кафедры и снова стал излагать материал. Спорить было бесполезно! Студенты покорно зашуршали тетрадями. Цицелир в аудиторию так и не вернулся – ни на первый лекционный час, ни на второй. Лис на краткой переменке пошутил, что кровожадная Анита после допроса прикопала его в саду Игиды в качестве удобрения. Однако шуточка вышла какая-то совсем не смешная, ибо те, кто видел сердитую дроу, легко могли поверить в реальность предположения. И никакие головоломные лекции мастера Ясмера о тождественности великой Игидрейгсиль и совокупности множества миров, составляющих бесконечность Уровней, не могли выбить из студенческих голов эти страшные мысли.

Ректор Шаортан и все вызванные ею мастера тоже в аудиторию больше не заглядывали. Но второкурсникам и одного визита хватило для пересудов и догадок. Машьелис издергался и извертелся. Ему хотелось вот прямо сейчас вскочить и бежать в общежитие, чтобы подкараулить там Цицелира и хорошенько расспросить его. Побывав под антиболтушкой в первом семестре и послушав жертвы этого заклинания, дракончик много думал, как его обойти, и ужасно хотел провести полевые, вернее, общежитские испытания на сирене. Увы и ах, отпускать дракончика с уроков ради развлечения никто не стал бы!

После удара колокола, возвестившего об окончании лекции, второй курс блюстителей почти в полном составе, исключая одну занемогшую и одного допрашиваемого, столпился у дверей корпуса. Юнина очень беспокоилась за свою напарницу и предложила всей группе навестить лекарский корпус, чтобы узнать о состоянии вампирши.

– Отличная идея! Она загрызет половину из нас, сбросит агрессию и сразу успокоится, – сострил Картен, вовсе не горевший желанием навещать сварливую и опасную девицу.

Эльфийка, обычно миролюбивая, уступчивая и спокойная, напружинилась с явным намерением если не загрызть, то покусать остроумца немедленно. Вот как раз сейчас, если бы кто вздумал строить предположения касательно отца девицы, то точно исключил бы из числа вероятных родителей студентки представителей миролюбивых рас.

– Мне кажется, всей группой идти не следует. – Писк старосты Кайрая пресек не успевший разгореться конфликт. Забавно подпрыгивая на месте, то ли чтобы казаться больше и значительнее, то ли намеренно создавая комичное впечатление, чтобы снизить градус напряжения, маленький гоблин продолжил: – Лекарский корпус для пациентов, а не для толп посетителей. Давай, Юнина, мы с тобой и Ольсой зайдем. Конспект занесем, передадим пожелания скорейшего выздоровления от всех сокурсников и поинтересуемся самочувствием Ириаль.

Такой выбор добровольцев понравился всем. Как избранным счастливчикам, так и не попавшим в число кандидатов и оттого не менее счастливым студентам. Успокоилась и красавица-эльфийка.

– Я с вами пойду, – решительно объявил Еремил.

– И правильно, вдруг Ириаль свежей кровушки прямо из вены для поправки здоровья потребуется, – поддакнул Лис и хотел еще что-то добавить, но напарник предусмотрительно прихлопнул рот говорливого дракончика широкой лапой.

Из компании «навещателей» Еремила никто гнать не стал. Охота парню послушать, как его по всем кочкам будет нести Ириаль, – пускай идет. Особой вежливостью-то и здоровая вампирша не отличалась, а уж в больном состоянии от ее учтивости и вовсе ничего не оставалось.

Четверка добровольцев отправилась в сторону лечебного корпуса, а основная масса студиозов потянулась в столовую. На ужин Янка взяла себе горшочек тушеных овощей с мясом, салат и кекс. Ела в обычном темпе, но почему-то парни, традиционно набиравшие побольше еды, чем напарница, справились быстрее.

А все из-за Машьелиса, тот, кажется, вообще метал в рот нежеваное, чтобы побыстрее разделаться с ужином. Хаг, посматривающий на дракончика, по инерции подхватил его темп.

После быстрого ужина тройка второкурсников вернулась в общежитие и первым делом заглянула к Стефалю. На счастье любопытного Лиса староста уже был в комнате. Дракончик, распираемый информацией, буквально с порога набросился на бедного эльфа:

– Стеф, у нас офигительные новости! А насколько они офигительные, ты нам сейчас сам расскажешь!

– Э-э-э, ясного вечера, – приветствовал друзей растерявшийся от такого напора эльф.

– Ясного, ясного, давай его еще яснее делай! Ты знаешь, что за тварь такая червяк нидхёг?

– Нет, – моргнул Стефаль. – Но могу узнать. У меня есть большая энциклопедия «Создания, существа и сущности» в двадцати томах.

– Сколько? Ты чего, всю стипендию на нее бухнул? – поразился тролль.

– Не совсем. Две, – скромно поправился эльф-книголюб и полез в застекленный шкаф, занимающий всю левую стену комнаты.

А Янка втихую принялась крошить ягодный пирожок на широкую ветку зеленого питомца старосты. Дерево благодарно принимало подачку, а что не урчало, так исключительно из-за отсутствия урчательного аппарата, зато листиками шелестело донельзя благодарно и ластилось к подруге хозяина.

Стефаль не замечал «кормильной диверсии». Он вытащил толстый, высотой от кончиков пальцев по локоть и шириной в две ладони том в плотном кожаном переплете и положил его на предупредительно образованный деревом пюпитр. Шурша страницами, юноша поинтересовался:

– Зачем вам знать о нидхёге?

– Он сегодня Ириаль то ли укусил, то ли обжег и совершенно точно напугал до визгу. Шум поднялся знатный! Ясмер лекаря и ректора вызвал, а Шаортан – Байона и Аниту, – начал рассказывать Машьелис.

Староста рассеянно кивал, показывая заинтересованность рассказом. Спустя пяток минут борьбы со сложной системой поиска он оповестил компанию:

– Нашел. Нидхёг – червь разрушения. Кольчатая структура, фиолетовый цвет покрова. Вырастает до трех метров в длину и двадцати сантиметров в диаметре.

– Блин, да это уже не червяк, а змея получается, – почесал

затылок Хаг и передернул ушами.

– «Питается сутью растений, при поглощении растворяет их части, лишившиеся энергии. Пищу черви нидхёг чуют через любые преграды на значительном расстоянии и способны прогрызть камень на пути к цели. Жизненный цикл от личинки до взрослой особи длится не более столетия. Ядовиты. Размножаются, откладывая не более пяти личинок, формой напоминающих пружинящие шарики густо-фиолетового цвета диаметром два сантиметра. В состоянии покоя личинка способна переносить как высокие, так и низкие температуры. В состоянии комфорта вылупиться может в течение трех суток.

Меры борьбы: обработка растений иором и ручной сбор червей в защитных перчатках. Противоядием при контакте с нидхёг является настойка коры торского дуба».

Стефаль закончил чтение справки и развернул книгу таким образом, чтобы все слушатели узрели портрет взрослого червяка. Янке он показался препротивной смесью дождевого червя, зубастой змеи и слизня.

– Экая пакость, – символически сплюнул Лис, поудобнее умостившись среди ветвей. – Теперь понятно, отчего мастера так забегали. Лекция-то в аудитории аккурат над садом Игиды проходила. Значит, так, у Цицелира было три шарика. Одного червяка Ириаль раздавила в лектории, второго ищут Шаортан и Байон. Третий, наверное, из сумки Пита Анита вытащит…

– Ой, а та ветка, из-за которой ты вчера переживал, Стеф, не из-за червяков рухнула? – прервал математические подсчеты напарника испуганный вопрос Янки.

– Здесь написано, что нидхёг растворяет растение, а не вызывает эффект окаменения, – ткнул пальцем в сторону замечательно содержательного и замечательно дорогого справочника дракончик. – Но все пакости могут быть звеньями одной цепи! Или не могут? Как ты думаешь, Стеф?

Эльф бережно убрал книгу в шкаф, прикрыл створку, помолчал и тяжело вздохнул:

– Знать точно не могу, но тут, – юноша приложил тонкие пальцы к груди, зеленые глаза его потемнели от тревоги, – чувствую недоброе. Что-то опять затевается вокруг академии.

– Как сказала нам когда-то пророчица Цирецция, вокруг АПП все время что-нибудь затевается. Это традиция, – припомнила Яна, с удобством устроившаяся в древесном кресле. Накормленное дерево оказалось уютнее самой мягкой мебели.

– Ах да, – прищелкнул пальцами Машьелис. – Ты случайно никаких пророчеств на этот семестр не слыхал?

– Не-э-эт, – медленно, как настоящий эстонец, протянул эльф,

вероятно что-то все-таки перебирая в памяти и отметая как неподходящее. – Но я поспрашиваю. У меня есть хорошие знакомые на факультете пророков. Друзья, мы упустили вчера этот важный момент.

– Может, еще Йорда зарядить? Пусть в свежих каталогах летописцев в Хранилище свитков глянет? – предложил сообразительный дракончик.

– Прекрасная мысль, – согласился Стефаль с парнем.

Те пророчества, которым предстояло сбыться в ближайшее время, очерченное рамками нового года, перемещались в соответствии с маркировкой в Зале свитков корпуса летописцев, близ Зала жребия, из которого, собственно, студенты-блюстители пророчеств и отправлялись через порталы на свои задания по «блюдению». Традиционно зал этот, из которого открывались порталы в иные миры, находился в корпусе летописцев. Наверное, и правильно, потому что именно им предстояло дежурить, наблюдая за исполнителями, и заносить сведения о воплощении пророчества в пояснительную записку к свитку.

Глава 5
Исповедь сирена и концерт гоблина

– Стефаль, а ты можешь Пита к себе зазвать? – жадно поинтересовался Машьелис.

– Могу, но парню сегодня и так наверняка досталось, – с сомнением протянул староста. С одной стороны, ему хотелось поучаствовать в расспросах и узнать, откуда у обычного студента-второкурсника оказались личинки опаснейшего червя, с другой – совесть не позволяла мучить беднягу.

– Не знаю я ничего, отвалите! – словно в ответ на слова дракончика, раздался из коридора полный досады вопль.

– О, на охотника и добыча! – взвился с древесного кресла любопытный блондинчик, одним кувырком оказался у двери, распахнул ее, выбросил руку и втянул в комнату Пита. Прежде чем захлопнуть дверь, Машьелис еще и рявкнул на местную публику: – Все свободны! Староста разберется!

Янка с невольным сочувствием осматривала Цицелира. Юноша выглядел откровенно худо: замотанным и каким-то взлохмаченным. Хотя обычно все волосы на голове у него лежали красивой волной, из которой если и выбивалась какая-то прядь, то исключительно по воле и желанию сирена-метросексуала.

Пит тяжело привалился к дверям, практически подпер их своим телом, будто опасался, что со студентов станется взять комнату Стефаля штурмом, и выдохнул:

– Спасибо!

– Спасибом сыт не будешь, – мгновенно намекнул надоедливый блондинчик.

Но Яна, добрая душа, уже встала на защиту обиженного и захлопотала:

– Конечно, не будет. Пит, ты сегодня вообще ужинал?

Тот, вопреки обычной болтливости, лишь мотнул головой.

– Садись, держи кекс. Стефаль, у тебя чайку не найдется?

– Только сок, – признался эльф.

– Давай, – скомандовала девушка.

И вот уже через пару минут Цицелир сидел в кресле со стаканом вишневого сока в руке – обложенный всеми пирожками и кексами, которые складировались запасливой Янкой в сумке. Растроганный такой материнской заботой однокурсницы, парень одарил девушку благодарным взглядом влажных очей и впился острыми зубами в сдобный бочок выпечки. Лис собрался было возразить, но, присмотревшись, отступился.

Видно, сирен, замордованный допросами и изрядно понервничавший за день, и впрямь был голоден. Он заглотил предложенные пирожки, практически не жуя, и выпил весь сок из запасов старосты. Тщетно дерево, вкусившее прелести кухни двуногих, ждало подачек. Ему досталось лишь несколько крошек и одна случайная вишневая капля.

Сыто рыгнув в аккуратно подставленную перепончатую ладошку, расчувствовавшийся Цицелир поерзал в кресле и, как того ожидал расчетливый Машьелис, заговорил:

– Яночка, свет очей моих, жемчужина из жемчужин сокровищницы Владыки Глубин, ты спасла меня от голодной смерти! После всех мук, коим меня подвергли, я опасался переступить порог столовой, дабы не быть атакованным жестокими в своем любопытстве студентами.

– Кушай на здоровье, – пожелала цветисто разглагольствующему сирену девушка. – Мы же знаем, что ты никому не желал зла. Ты – хороший парень, и все, что случилось, какое-то недоразумение.

Лис вытаращился на напарницу в немом восхищении, Цицелир же всхлипнул и принялся исповедоваться.

Из рассказа, уснащенного метафорами, красочными эпитетами и прочими завитушками, призванными делать четкую и понятную речь трудной для восприятия, компания все-таки выловила суть.

Самовлюбленному красавчику банально не повезло. Позавчера он, погруженный в переживания о своей травмированной лапке, возвращался в академию. Жалеть самого себя Цицелир умел долго, с чувством, с толком и расстановкой. Он был так поглощен сим увлекательным процессом, что столкнулся на бульваре Гиацинтов с очаровательной незнакомкой и сшиб ее на газон. Девушка, оказавшаяся красавицей-дриадой, не обиделась. Напротив, она обвиняла в столкновении себя, да и свою несчастную лапку Пит выставлял напоказ очень уж явно. Слово за слово, и виноватая особа в качестве компенсации – а как тогда показалось самолюбивому сирену, увлекшись его неземной красотой, – пригласила незнакомца на обед.

Разумеется, хвастун Цицелир распустил хвост и всю трапезу, оплаченную дриадой, разливался соловьем о своей исключительности и постигшем его несчастье. Проникшаяся собеседница напропалую стреляла глазками, охала, ахала и кокетничала. Кончилось тем, что Пит практически поверил в неслучайность встречи со столь понимающей и тонкой особой и принял ее за дар Судьбы. Он даже пригласил красавицу на свидание в день отдыха первой циклады. Незнакомка,

назвавшаяся Дрэей, подарила ему на прощанье те самые злополучные мячики для восстановления подвижности руки. Разумеется, ни о каких червяках речь не шла, дриада уверяла парня, что «мячики» являются семенами одного редкого растения, чьи живительные токи помогут руке Пита побыстрее восстановиться. Цицелир с благодарностью принял дар заботливой девушки и усиленно упражнялся аккурат до сегодняшнего дня, когда опасная начинка «шариков» проявила себя во всей красе.

Мастера, поднятые на уши Ясмером, нашли и изъяли из сумки Цицелира лишь последний шарик. Пит ничего не ведал о судьбе червяка, уползшего с лекции по истории Игиды. Вернее, он знал лишь то, что эта тварь как-то ранила вампиршу (какое счастье, что не его самого!). Так же сирен слышал, как преподаватели ругались на дрянь, ухитрившуюся прогрызть в каменном полу две дыры. Мастера считали, что затоптанный Ириаль экземпляр был червяком, вылупившимся из шарика, потерянного на расоведении. Так что догадки Машьелиса подтвердились!

По итогам сегодняшнего дня исстрадавшийся парень обрушивал на злостно подставившую его дриаду громы и молнии. Он как раз начал обещать вероломной особе «приятное времяпрепровождение» на грядущих выходных, но вдруг резко захлопнул рот, а потом выдал сакраментальное:

– Болтун болтунью болтал!

Выпалив шедевр из области скороговорок, сирен с ужасом уставился на слушателей. Те разочарованно переглянулись. Все-таки антиболтушку на однокурсника повесили. И пусть она пока касалась лишь планов сирена и педагогов на выходные, все равно обидно было узнать столько всего и не услышать, как именно собрались ловить преступницу. На живца Цицелира или как-то иначе? В общем, было ясно только одно: кого-то ждет «веселье».

– Ты не переживай. – Яна поспешила утешить сирена, до дрожи перепуганного невозможностью связно выражать свои мысли. – Это тебя кто-то из учителей знаком Игиды приложил. Наверное, чтобы никто не вызнал, как будут искать дриаду.

– Или просто ты слишком много болтал, – тихонько прокомментировал Машьелис, подмигнув Янке.

– А… – принахмурился Пит и тут же расплылся в самодовольной улыбке, размышляя о том, к событиям какой важности он невольно оказался причастен. Пожалуй, к утру сирен вполне мог додуматься до того, что именно он встал на защиту академии грудью и спас АПП и весь мир Игиды впридачу, не говоря уже о самой Игидрейгсиль!

Вздумай враги академии прояснить ситуацию методом захвата языка, лучшее орудие дезинформации, чем говорливый сирен, сложно было бы придумать.

– Она хоть красивая была, та подставившая тебя дриада? – ненавязчиво подбросил вопросик Машьелис.

Сирен согласно пропел:

– Глаза, как море в шторм, зубки жемчужины, губки светлый коралл, волосы, правда, не зеленые, а цвета дубовой коры, длиннее водорослей ливитты, в косу дважды вкруг головы уложены…

– Ну надо же, – натурально удивился отчего-то сделавший стойку Лис. – Прямо дважды?

– Да, я еще думал, если свои волосы заплету, у меня один оборот будет, и то не полный, – недовольно нахмурился Цицелир.

Перекусивший и отошедший от шока юноша ощутимо расслабился. Он привычно собрался откинуть с глаз прядь и в шоке замер, когда пятерня застряла среди спутанных волос.

Сирен подскочил с древесной скамьи как ошпаренный, торопливо пробормотал какие-то вяло-цветистые благодарности и умчался на поиски расчески. Теперь самой большой трагедией для Цицелира являлся вид собственной шевелюры. О состоянии Ириаль, пострадавшей по его вине, Пит ничего не спросил. В его эгоистичной картине мира для сварливой однокурсницы сейчас не было места.

– Кое-что проясняется, – бодро констатировал довольный допросом дракончик.

– А по мне, так запуталось еще больше. Чем этой дриаде наша академия не угодила? – задумчиво почесал щеку Хаг.

– Неясно, она ли стоит за первым случаем болезни дерева, сама ли действует или ею кто-то управляет, – добавил Стефаль. – Все-таки дриада скорее причинит вред любому созданию, нежели растению. Но дриада, объявившая войну…

– Почему сразу войну? – недопоняла Яна.

– Волосы, Ян. Прическа. Коса, уложенная вокруг головы, означает, что дриада объявила кому-то войну и не успокоится, пока корни ее дерева не прорастут на трупе врага.

– Ой, – явственно вздрогнула девушка от столь живописной картины.

– Вот и «ой», а наш недалекий красавчик девушку разглядел, однако же ничего не понял. Не все и не всё знают про зеленушек, – скорчил забавную физиономию дракончик.

– Я вот тоже не знал, – вставил тролль, спокойно признавшись в отсутствии информации.

– Тебе можно, ты же не красавчик и не недалекий, –

отмахнулся Лис.

– Что же теперь делать? – растерялась Янка.

– Нам пока все, что собирались, а преподаватели пускай ищут третьего червяка и воительницу. Может, и впрямь за всем этим она стоит, а виновата наша ректор, случайно чихнувшая огнем над лесом дриады, – пожал плечами дракончик и, будто только что припомнил, прищелкнул пальцами. – Так, Яна, на послезавтра никаких планов не строй, мы пойдем в город.

– Зачем? Ты все-таки собрался искать дриаду? – насторожилась девушка.

– Нет, мы пойдем решать твою проблему с помолвкой, – пояснил Лис и подмигнул напарнице.

– Спасибо! – расчувствовалась Янка от такой заботы.

– Да ладно, когда я от шанса заполучить золотишко отказывался? – ухмыльнулся парень, разом понизив градус патетики.

После этого заявления разговор как-то сам собой увял, да и пирожков, чтобы заесть паузу, не осталось. Почему-то еще и Стефаль впал в состояние задумчивого уныния. Наверное, как ответственный староста и эльф, он вдвойне переживал за сохранность детей Игидрейгсиль.

В комнате у Янки опять никого не было. Скорее всего, Иоле и Йорд снова где-то гуляли и любезничали. Нет, девушка не завидовала счастью подруги, хоть и не отказалась бы от ее общества и болтовни ни о чем. Однако повода отлынивать от занятий не нашлось. Потому второкурсница издала тяжелый вздох и засела за тренировки с пустышкой Игиды и распальцовкой для приговоров по схемам мастера Сейата. Помучавшись эдак с час-полтора, Яна выдохлась окончательно и, решительно умывшись, отправилась на поиски старосты-гоблина. Номер своей комнаты, где обитал с Авзугаром, тот еще в первой цикладе первого семестра объявил группе и предложил в случае нужды заходить в любое время.

Зеленокожий Кайрай открыл дверь после второго стука, и Янка не удержалась от смешка. Гоблин был одет в серенький халатик, подпоясанный коричневым пояском. В этой одежде парень удивительно походил на мастера Йоду из «Звездных войн».

Уши старосты шевельнулись, «безбровые дуги» приподнялись в молчаливом вопросе. Дескать, чего тебе надобно, однокурсница. Сама пришла, сама смеешься.

– Прости, Кайрай, ты в этом симпатичном халатике ужасно похож на одного героя.

– У вас же людской мир? – недоверчиво протянул гоблин,

поводя ушами.

– Да. Я говорю про героя выдуманной истории, – поправилась Янка и снова улыбнулась, вспоминая занятную речь мастера Йоды.

– Надеюсь, он не злодей? – чуть заметно усмехнувшись, пискнул Раход, отступая от двери, чтобы девушка могла войти, не перешагивая через него.

– Нет, он учитель самых положительных героев в одной очень популярной длинной кин… э-э, истории, – помотала головой собеседница. – Я чего пришла-то. Песню хочу у тебя спросить подушевнее. Подскажи чего-нибудь для расоведения!

– Подскажу, – согласился Кайрай, всегда ответственно подходивший как к своей учебе, так и к желанию других научиться чему-то. Да и лестно было для гоблина, что к нему обращается не однокланник, а сокурсница другой расы. Тут еще Янка невольно польстила ему, сравнив с учителем героев. – Тебе про любовь, приключения, историческую балладу или что другое?

– Хм, – задумалась девушка, подготавливая блокнот для записи, и махнула рукой. – Давай на твой вкус. Только не очень длинное.

– Договорились, – показал в улыбке острые зубы гоблин, приглашая Янку пройти.

Внутри у Кайрая с Авзугаром было довольно уютно не только по меркам обитающих под землей зеленых недомерков и оборотней. Разве что несколько темновато, но ничуть не сыро. На полу лежал темно-зеленый пушистый ковер, похожий на мох, стены, покрашенные в сероватый цвет, напоминали своды пещеры. Штора редкостного буроватого оттенка плотно закрывала окно, не пропуская в него яркий, не слишком приятный гоблину свет. Того же цвета были покрывало на кровати и чехлы на мебели. У кровати и на кровати Авзугара лежала пара разных шкур с длинным мехом. В остальном же обиталище парней оставалось типовой студенческой комнатой в общежитии блюстителей пророчеств.

– Перекусить хочешь? – вежливо утончил староста, поведя ушами в сторону дивана, куда предлагал опуститься гостье.

– Нет, я в столовой хорошо поужинала, – помотала головой Янка и поспешно поправилась: – Это если я никаких твоих обычаев не нарушаю. Если положено, я, конечно, чего-нибудь поем.

– Даже улиток? – пискнул староста вроде бы серьезно, вот только в его глазенках плясали такие бесенята, что простодушная Янка сообразила, что ее подкалывают, и ответила соответствующе, воспользовавшись информацией из области

общих знаний:

– И что? Тоже еда. Во французской кухне моего мира они считаются деликатесом. А еще лягушачьи лапки.

– У нас лягушек целиком едят, – раздумчиво заметил гоблин, заскакивая в кресло и болтая ножками. – Наверное, твои французы похожи на гоблинов.

– Э-э, не уверена, наверное, все-таки не очень, – призадумалась Яна, мысленно сравнивая типичного француза и зелененького гоблина. Ни портретного, ни какого-то другого очевидного сходства не наблюдалось.

Кайрай захихикал, поерзал в кресле и, зажмурив глаза, запел. У мелкого выходило на удивление неплохо. Он не фальшивил, даже не пищал, потому что исполнение больше походило на напевную декламацию или на что-то вроде странноватой частушки. Янка сначала просто слушала, подперев кулаком щеку, потом начала улыбаться, спустя минуту-другую подхихикивать, а потом уже от всей души хохотать.

Староста выбрал не героическую балладу, хотя начало чем-то и было похоже на оную. Он пел шутливую песню про горе-охотника, в пещеру к которому повадились ходить незваные гости.

Охотник жил в пещере у пруда,

Себя всерьез считая за умельца,

Пока не грянула нежданная беда:

Повадились незваные пришельцы.

Пещеру разорить, еду стянуть

Нахально норовят – и быстро дёру.

Теперь ни съесть, ни выпить, ни вздремнуть:

Грабители! Вандалы!! Мародеры!!!

…То в мышь летучую зря дротики метал,

В который раз без ужина оставшись,

То наглую лягушку все гонял –

В своем же прудике в итоге искупавшись.

То крыса съела все запасы у него;

Решил он на нее найти управу –

Да, встав, со сна не помня ничего,

Сам по ошибке съел ее отраву.

Потом была еще змея, и скальный кот,

Зверушки, гады, прочие химеры.

Достало все охотника – и вот

Развесил он портянки у пещеры.

Наутро же героя ждал успех –

Добычи гору свежевать богатой:

Не пережил никто из злыдней тех

Охотничьих портянок аромата!

Закончил Кайрай под стоны обессилевшей от смеха девушки. Янка утирала слезы и причитала:

– Классно! Я давно уж так не смеялась! Чуть живот не надорвала! Пожалуйста, надиктуй мне эту песню или скажи, где в библиотеке поискать!

– Я тебе ее сам запишу, в книжках не найдешь, оставь блокнот, – оскалил в улыбке острые зубы парень, очень довольный произведенным эффектом. – Завтра перед занятиями отдам.

– Спасибо!

В порыве чувств Янка чмокнула гоблина в щеку, и тот покрылся густо-зеленым румянцем смущения. Все-таки щупленького и низкорослого даже по гоблинским меркам паренька девушки не часто баловали вниманием. Видать, еще не сообразили, что высокий и сильный – это не всегда самый лучший. При его основательности и мозгах Кайрай наверняка уже сейчас смог бы заткнуть за пояс многих своих сверстников.

Уходила Донская от старосты очень довольной. Вечер определенно удался! Оставалось только почистить зубы, принять душ и отрубиться до очередного удара колокола.

Глава 6
О созданиях, существах, сущностях и суровых педагогах

С утра на медитацию Лис спешил, как в столовую после полосы препятствий или в общежитие с тренировки по двану, на которой беспощадный Рольд выжал из игрока все силы.

Зря блюстители втихую надеялись избавиться от въедливого капитана-пятикурсника. АПП-то он закончил, зато остался в академии на должности помощника Теобаля по спортивным играм и теперь гонял и в хвост и в гриву не только родной факультет, а еще и два других.

Напарники поглядывали на дракончика с явственным подозрением и даже пытались вывести блондинчика на разговор. Однако тот уже видел цель и верил в себя настолько, что совершенно не замечал препятствий, к каковым сейчас относились и беседы на отвлекающие темы.

Машьелис только отмахнулся и объявил:

– Хочу кое-что выяснить у мастера Тайсы. Давно собирался, а теперь, думаю, пора!

Вопреки обыкновению о Либеларо не стал пояснять, что именно он хочет выяснить. И напарники, сдавшись, оставили упрямца в покое. На медитацию примерно с половины прошлого года Яна стала ходить со всем курсом. Это поначалу у нее никак не получалось сосредотачиваться на работе с пустышкой Игиды в зале, результаты появлялись лишь при тренировках в заветном уголке лесопарка или ванной, при полном отсутствии или минимуме наблюдателей. Но потом потихоньку наметился прогресс. И тогда неумолимая, но справедливая Тайса сменила график. Сначала Яна ходила на общие занятия через раз, а потом окончательно присоединилась к группе. Если мастер и не была довольна успехами девушки, то, наверное, решила, что выше головы не прыгнешь, и смирилась или же готовила очередной набор упражнений, отпустив студентке время для моральной и физической подготовки к ним.

В зале народа уже было достаточно. Ребята слонялись по помещению, валялись на своих ковриках и болтали. После прихода в зал Янкиной тройки оставалось подтянуться всего паре ребят. В частности, Цицелиру. О том, что Ириаль придется полежать в больничке пару дней, и о коварных шариках сирена народ уже успел вдоволь почесать языками. Студенты знали

только, что дураку Цицелиру кто-то в шутку или по злобе вместо шариков для разминки подсунул яйца какого-то сиреневого то ли глиста, то ли змея, отравившего Ириаль своим укусом. Ясное дело, мастера «глистов» переловили и всех спасли. Потому на длинноволосого болтуна особенно никто не сердился до той самой минуты, когда он, возникнув на пороге, с царственной снисходительностью поприветствовал группу и ляпнул, присаживаясь на свой коврик:

– Везет Ириаль, нам на листья два часа пялиться, а она в кроватке поваляется.

Яна, услышав такую несусветную глупость, только вздохнула: «Ну что за ерунду сморозил сирен? Сам же знает, почему нет однокурсницы, а такое несет. Вот и корми его после этого пирожками да жалей. Сейчас впору не лакомство подсовывать, а в ухо стукнуть, чтобы в голове шестеренки на место встали». Словно отвечая невысказанному пожеланию девушки, к болтливому сирену метнулся Надалик и зарычал:

– Ах ты, урод! Везет? Да тебя за такое везение…

Сейчас он мало походил на себя обычного – рослого, симпатичного и чуть неловкого парня. Глаза Еремила явственно отсвечивали инфернальной зеленью, рот щерился набором острых как ножи зубов, даже вся фигура как-то разом стала массивнее и тяжелее. Не выдержав испытания, треснули по швам рубашка и брюки, чудом уцелели распахнутый жилет и нижнее белье. Ногти обернулись длинными лиловыми когтями, на коже выступили мелкие красные чешуйки. На руках, сграбаставших Пита за грудки и как пушинку державших на весу, бугрились тугие жгуты мускулов.

Цицелир расширенными от страха глазами взирал на эту метаморфозу, произошедшую из-за его невинных слов. А потом обмяк, распахнул рот, закатил глазки и пронзительно, тонко заверещал.

– Достаточно, Еремил. Отпусти студента Цицелира. Он раскаивается, – прежде чем кто-то из студентов решился броситься на защиту трепача, раздался из центра помещения невозмутимый голос Тайсы.

Он вывел Надалика из состояния яростного безумства. Парень разжал руки, давая сирену возможность упасть на коврик и трусливо отползти в сторонку. Сам же Еремил остался стоять, с недоумением рассматривая собственные руки в лохмотьях разодранной рубашки. Когти на пальцах неторопливо, будто в замедленной съемке, сменялись обычными плоскими ногтевыми пластинами. Гасли глаза, а чешуйки блекли, уступая место хорошему загару.

– Ненормальный, ты мне рубашку порвал! – взвизгнул Пит, сообразивший, что разбрасываться обвинениями лучше из-за спины преподавателя. Сирен вскочил, отбежал к Тайсе и теперь вопил оттуда.

– Следует заметить, вам очень повезло, студент Цицелир, – невозмутимо высказалась мастер. – Не каждому вызвавшему гнев и первую трансформацию демона удается пережить ее без травмирующих и опасных для жизни последствий.

– Он мне рубашку порвал, – заныл сирен, до которого так и не успел дойти смысл слов Тайсы.

Зато он дошел до Еремила. Парень потряс головой, будто пытался вернуть себе ясность мыслей, и вопросительно пробормотал:

– Я же человек. Всегда был…

– Вы полукровка, Еремил, – спокойно объяснила преподаватель. – Обучение владению внутренней силой дало возможность проснуться спящей крови, а вспышка ярости ее спровоцировала. Не переживайте, при должном самоконтроле все пойдет вам на пользу, как в плане магическом, так и в физическом. Но сегодня ваше душевное равновесие нарушено, потому от занятий толку не будет. Я вас освобождаю, отработаете позднее в индивидуальном порядке. Думаю, сейчас вам стоит зайти к коменданту Олхрокху и попросить заменить комплект стандартной формы блюстителя на модель для трансформов. Когда переоденетесь, рекомендую посетить библиотеку и взять для изучения труд Катерга Обрамида, исследовавшего потомков демонов са-варжи, затем дойти до лекарского корпуса и получить консультацию по особенностям переходного периода у мастера Лесариуса. Также советую побеседовать на тему свежеобретенной силы с деканом Гадерикалинеросом. Он хорошо разбирается в наследии крови. Я же только скажу, что вам необычайно повезло: унаследовав дар предков, вы не взяли их пустого безумства. Ступайте же!

Еремил заторможенно кивнул, показывая, что слышит слова учителя, однако, реагировать на них как-то еще или тем паче формулировать вопросы парень был не в силах. Он признательно кивнул, сгреб с коврика сумку и вышел из зала. Тайса же решительно хлопнула в ладоши, призывая аудиторию к порядку, и объявила:

– Теперь стоит прислушаться к колоколу. – Будто дождавшись ее команды, по просторам АПП разнеслось долгое «бо-о-о-мм!» – Занимаем места и начинаем занятие.

Пит, то и дело зыркавший на грозного демона под личиной мирного человеческого парня, вздохнул с облегчением, когда за

Еремилом закрылась дверь. Сирен чуть ли не на цыпочках прокрался к своему коврику и осторожно сел. Занимался, правда, из рук вон плохо, то и дело косился на дверь и вздрагивал. Наверное, боялся, что грозный демон вернется, распахнет пасть и откусит ему голову. Еремил возвращаться на урок и что-то откусывать не спешил.

Извертелся и Машьелис. Пусть и не от избыточного участия, скорее, парню было жуть до чего интересно, с чего это вдруг Еремил обернулся полудемоном. Но инстинкт самосохранения уберег дракончика от неуместных вопросов на занятии. В отличие от Еремила сильфида Тайса такого любопытства точно не поняла бы.

Со звоном колокола, возвестившем о завершении занятий, Машьелис схватил друзей за руки и потянул за собой к преподавательнице, громко окликая готовую исчезнуть из поля зрения сильфиду:

– Мастер Тайса! Можно обратиться?

Другие студенты, куда больше заинтересовавшиеся преображением Надалика, чем переговорами с сильфидой, задерживаться в помещении не стали. Всем хотелось заловить Еремила до начала следующей пары и подкинуть внезапному демону хоть парочку вопросов.

Тайса полуобернулась, дожидаясь Янкину тройку, и чуть приподняла темную тонкую бровь, обозначая если не готовность ответить, то хотя бы согласие выслушать вопрос.

– Скажите, мастер, а можно ли провести дополнительную проверку шэ-даром на напарника для нашей тройки?

Вот теперь сильфида повернулась к Машьелису целиком, и на ее вечно спокойном и одновременно прохладно-доброжелательном лице проскользнул намек на интерес.

– В правилах академии подобный запрет не оговаривается, – отмерла наконец Тайса, всесторонне обдумав как вопрос, так и ответ. – У вас чисто теоретический интерес, о Либеларо, или имеется конкретный кандидат?

– Не теоретический, имеется, – подтвердил дракончик очень-очень серьезно, сопроводив слова вежливым полупоклоном в лучших придворных традициях. – Стефаль Лаэрон.

– И чем же вызвано желание получить его в напарники? Хотите выезжать во время занятий и исполнения пророчеств на горбу отличника-старшекурсника? – нахмурилась сильфида, за ее плечами затрепетал призрак крыльев.

Янка почему-то вдруг подумала, что Тайса лишь играет в подозрительность и ничего плохого про нее и ее напарников не думает, просто хочет досконально разобраться в мотивах.

Девушка уже поняла, почему Машьелис заговорил о Стефале. Она бы, наверное, и сама об этом попросила, если бы сообразила, как это сделать, и задумалась о такой возможности. Дракончик же не думал и не сомневался, он взял и сделал. То есть он спросил про Стефаля, а теперь вдруг дернул Янку за руку и практически потребовал:

– Ян, объясни!

– Стефалю плохо. Он все еще считает себя во всем виноватым из-за бросившего академию напарника и все пытается делать один. Мы еще на первом курсе подружились и считаем, что это неправильно. Поэтому и подумали… Если бы шэ-дар указал ему на нас, было бы здорово. На других-то курсах уже все успели сработаться, а мы только начинаем, никаких миссий еще не было. Вдруг шар включит к нам в команду Стефа? – Янка говорила торопливо, не очень складно, но от чистого сердца, то теребя юбку, то дергая себя за косу.

– Вы понимаете, что ваша группа, если в нее войдет Стефаль, еще до начала следующего семестра окажется в числе подвластных жребию? – уточнила Тайса. – Вам уже завтра, коль сегодня шэ-дар соединит вас лучами выбора, может выпасть право блюсти пророчество!

– Вот здорово, – не испугался, а обрадовался Машьелис.

Хаг сдержанно кивнул, зато Янке как-то вдруг стало немножко не по себе. Но девушка вспомнила все, что слышала о пророчествах и жеребьевке, и робко заметила:

– Но ведь непосильный жребий никогда не выпадет?

– Не выпадет. Но порой на таких дорогах идти приходится по самой грани. Хорошо ли вы подумали, прежде чем просить о новом, старшем члене группы?

Троица переглянулась. Машьелис выглядел серьезным и азартным одновременно, весь его вид буквально кричал: «Давайте же попробуем! Жуть до чего интересно, и пускай будет не только интересно, а и по-настоящему жутко!» Янка вспоминала боль в зеленых глазах друга и очень хотела если не убрать, то хотя бы смягчить ее. Хаг просто понимал: так надо. В итоге второкурсники ответили учителю решительным согласием.

– В таком случае попросите вашего товарища подойти сегодня к четырем часам в зал медитаций. Я призову шэ-дар, – резюмировала Тайса с полуулыбкой. И непонятно было, смеется она над детишками или над ситуацией, или над самой собой, опытной и мудрой, которой решение, предложенное ими, до сих пор не приходило в голову.

На лекцию по существам, созданиям и сущностям, которая значилась в расписании второй по счету, троица явилась чуть ли

не самой последней. Хорошо еще, в другой корпус добираться не пришлось. Компания всего лишь спустилась на этаж ниже, в кабинет, расположенный в том же коридоре, что и аудитория расоведения.

Любительница слухов Тита, увидев в припозднившихся однокурсниках благодарную аудиторию, подсела к троице и тихо зашептала, забавно выпучив голубенькие глазки:

– Ой, ребята, матушка-то да и отец у Еремила из людей, ни о каких демонах он не знал, не ведал, всегда себя человеком считал, ни о чем ином и не помышлял, а оно вот как обернулось! У матери теперь небось дознаваться правды будет!..

Сам объект сплетен – Надалик, переодетый в новый комплект формы – сидел за столом, склонив голову, и листал какую-то толстую книгу в черном переплете. Пальцы студента не то массировали голову, не то пытались выдрать из светлой шевелюры клок волос. Еремил нервничал настолько явственно, что добрая Таата то и дело беспокойно вздрагивала да сочувственно вздыхала. Ей совершенно не нравилось состояние напарника. Она пристроилась рядом и что-то лопотала. Остальные, узнав главное, предпочли не нагнетать обстановку и пока сделать вид, что ничего экстраординарного не случилось. Демон? И что? Мало ли кто в академии учится? И из этих тоже студенты встречаются, всей разницы, что наш – полукровка и о себе всего не знал. Так полукровок в АПП тоже вдосталь и опасных чистокровок – тоже. Ничего, все относительно мирно уживаются. А о себе Еремил скоро все узнает, никуда не денется, узнает и другим расскажет.

Один Цицелир все никак не мог уняться и бухтел, бухтел что-то про свою психологическую травму и порванную рубашку. Наконец это надоело даже терпеливому и миролюбивому, а для гоблина так и вообще супермегамиролюбивому старосте. Кайрай подошел к сирену и пронзительно пропищал:

– Я возмещу тебе из кассы курса затраты на покупку новой рубашки и успокоительной настойки, если комендант откажется заменить вещь, а целитель Лесариус не пожелает лечить даром после того, как ты принес в АПП червей.

– Я разве виноват? – взвился Цицелир. – Меня обманули!

– Вот и Еремил не может отвечать за вспышку крови, – вставила Юнина.

– Тебе бы его поблагодарить! Сдержался, на бой не вызвал, не ударил, а ты все верещишь! – хмыкнул со своего места Авзугар, прекрасно знавший, как трудно стерпеть, когда ярость застилает взор. Потом оборотень встал, прошелся по аудитории, попутно подбадривающе хлопнул Еремила по плечу и, наклонившись к

сирену, ласково сказал:

– Счастливчик! Если бы из-за тебя девушка, которая мне по нраву, пострадала, я бы точно – если бы не пришиб, то помял наверняка.

Пит только возмущенно открывал и закрывал рот, шокированный таким равнодушием к его душевным страданиям. Дальнейшему обсуждению темы помешали удар колокола и явление в аудитории мастера Аниты Клиог ап Рас.

Сухопарая женщина-дроу неопределенного возраста с осанкой королевы вплыла на кафедру и обратилась к студентам:

– Ясного дня. Лекции и практические для посещения необязательны, если вы твердо намерены покончить жизнь самоубийством, выполняя задания блюстителей пророчеств. В иных случаях явка неизбежна. Зачеты и экзамен у вас будут практическими. Если не желаете поселиться у мастера Лесариуса, учитесь.

Этим жизнеутверждающим обращением дроу ограничила административную часть лекции, и началось собственно занятие.

– Кто объяснит разницу между существами, созданиями и сущностями? – огласила первый вопрос лектор.

– Это точно не синонимы? – задумчиво пробормотал под нос Хаг.

В тишине аудитории его риторический вопрос прозвучал слишком громко и проигнорирован дроу не был. Она прохладно усмехнулась и осведомилась:

– Есть другие версии?

Народ озадаченно молчал. Порассуждать вслух, конечно, могли многие, только с мастером Анитой такой метод наработки авторитета вряд ли проскочил бы. Идиотом же никто себя выставлять не желал. Потому студенты ограничились внимающим молчанием. Лектор сочла решение аудитории правильным, потому коротко кивнула и с места в карьер начала объяснение. Определения ее были четки и коротки, хотя от этого их понятность для Янки не слишком возросла.

– Созданием является то, что обладает оболочкой плоти и проявляет хотя бы минимальные зачатки интеллекта. Существо есть не наделенное разумом создание. Сущность – есть то, что не обладает оболочкой из плоти, но наделено магической структурой.

Народ старательно записывал формулировки. Судя по озадаченным физиономиям, затруднения с процессом понимания испытывала не одна Янка. К счастью, суровый педагог глупой не была и без дополнительных вопросов поняла проблемы студентов. Дружным вздохом облегчения были встречены ее

слова:

– Теперь для иллюстрации определения рассмотрим несколько примеров каждого вида. Думаю, наилучшей иллюстрацией существа для всех присутствующих стал вчера червь нидхёг. Тварь столь же тупая, сколь опасная, одержимая лишь одним чувством – голодом.

Последовавший далее рассказ о фиолетовом червяке лишь немногим отличался от зачитанной Стефалем статьи из многотомной энциклопедии.

– Среди созданий наибольший интерес для изучения представляют так называемые волшебные звери. Грифоны, мантикоры, кицелярисы, единороги. Перечень можете продолжить сами.

«Сами? – грустно усмехнулась земная девушка Яна, не особенно увлекавшаяся сказками. Я только если по учебнику смогу или если у Стефаля его энциклопедию одолжу».

Неумолимая дроу в позе статуи повелительницы Вселенной завершала между тем толкование определения:

– Сущности. Прежде всех прочих стоит упомянуть привидения (они же призраки) и духи.

– Это что, тоже разные существа? – выкрикнул с места озадаченный Картен.

– Сущности, – сурово поправила Анита нерадивого студента, допустившего ошибку в только что разъясненной классификации, и смерила голубокожего недоросля «ласковым» взглядом, обещающим частые встречи на бесконечных пересдачах зачета.

– Ну да, сущности, – поправился безбашенный парень, не понимая, за что ему только что заехал локтем в бок лучший друг. Максимус молча прикрыл пятерней лицо, умывая руки. Дескать, «Картен мне друг, но зачет дороже».

– Привидения, они же призраки, и духи – это две разновидности сущностей. Первые являются частичным отпечатком эмоций, памяти умершего создания, вторые – собственно то, что остается после смерти тела, если душа по какой-либо причине не последовала по сужденному ей пути.

– Вы, мастер, имеете в виду дорогу перерождений? – почему-то оживившись, спросил Еремил. Неужто после предыдущего урока решил, что эта его жизнь кончена и надо строить планы на следующую? Хотя мог ведь парень просто интересоваться актуальной для большинства темой: «Есть ли жизнь после смерти, а если есть, то какая?»

– И ее тоже, – спокойно ответила Анита. – Каждому сужден свой путь. Есть и похожие, но нет и не будет двух одинаковых.

– И зачем нам все это? – очень тихо буркнул себе под нос

мгновенно затосковавший Картен. Уж он-то сроду никакой философией не интересовался, предпочитал жить мгновением здесь и сейчас. Что тоже, как уже сказала Анита, являлось его собственным сужденным путем, который в настоящий момент суровая дроу собиралась подкорректировать.

– Зачем вам, блюстителям пророчеств, знания о существах, созданиях и сущностях? – Тонкая серая бровь иронично изогнулась. Преподаватель усмехнулась одними губами и обратилась к аудитории: – Есть желающие просветить вашего товарища?

Руку подняли Ольса, Юнина и, помешкав, Таата. Остальные, если и знали, не торопились светиться перед новым преподавателем прежде, чем хорошенько разберутся, чего именно от нее стоит ждать.

Дроу еще раз усмехнулась. На сей раз снисходительно. «Эх вы, герои, за спины девушек спрятались!», и благосклонно кивнула хоббитянке.

Таата, нервно перебирая толстенькими пальчиками, чуть зарозовела яблочками щечек и попыталась ответить:

– Я думаю, любое… из этих… о ком вы, мастер, говорили, может встретиться нам при наблюдении за исполнением пророчеств. Вот и должны мы знать, чего ждать от них и как себя вести.

– Ответ принимается, – объявила дроу и потребовала: – Назовись!

– Таата Голвин из Тол, – вытянувшись во фрунт, выпалила девчушка.

Дроу открыла маленькую книжечку, которая лежала на ее столе рядом с журналом группы, и что-то там пометила. Обвела взглядом студентов и продолжила лекцию:

– Верно. С любым из созданий, существ и сущностей вы, блюстители пророчеств, в отличие от пророков и летописцев, можете столкнуться лицом к лицу. Если пророк или летописец, не опознавший или исказивший объект пророчеств, ничем не рискует, то вы за свою оплошность можете расплатиться здоровьем или жизнью. В мирах хватает опасных тварей, и никто не поручится, что вам, блюстителям, никогда не придется повстречаться с чем-то или кем-то настолько серьезным, что единственным выходом будет не сражение, а отступление.

Янка, что уж греха таить, порой слушавшая лекции с середины на половину, резко помрачнела. Вспомнился ей горький рассказ Стефаля о демоне, с которым пришлось сражаться эльфу и его бывшему напарнику. Да, Анита Клиог ап Рас права. Ее лекции не то что прогуливать не стоит, их вообще, наверное, надо

заучивать наизусть, чтобы не попасть впросак и не заплатить кровью.

В достаточной мере напугав студентов, лекторша вполне мирно продолжила:

– Порой создания, существа и сущности бывают сопутствующими объектами пророчеств. В отдельных случаях они обозначаются как их субъекты. Чаще всего второстепенные, но в архиве Академии пророчеств и предсказаний хранятся любопытные свитки. Случалось, что создания и сущности являлись главными субъектами пророчеств. По существам подобных прецедентов не зафиксировано. Желающие могут поработать с информацией и подготовить доклад к первому семинару. Для этого достаточно подойти ко мне после лекции и отметиться. Есть соображения, почему существа не могут быть субъектами пророчеств?

– Они тупые, – задумчиво хмыкнул Лис.

– Представьтесь, – кивнула дракончику дроу.

Машьелис подскочил из-за стола и отрекомендовался полным именем. Сие действо еще и сопроводил каким-то изысканным не то поклоном, не то танцевальным па.

– Суть ответа верна, а вот над формулировкой стоит поработать, – что-то черкнула в тетрадочке Анита с саркастичной полуулыбочкой. – Существа не разумны в такой степени, чтобы из категории объектов перейти в категорию субъектов…

– Мы-то все тогда кто? Создания, что ли? – задумчиво протянул Цицелир.

– Вы? Может, и создание, а все остальные, полагаю, находятся вне категорий, рассматриваемых в рамках курса, – съязвила дроу, недовольная тем, что ее перебили.

Пит заткнул варежку и скроил самую невинно-виноватую из возможных физиономий, а Анита продолжила:

– Давайте рассмотрим один из типичных случаев упоминания в пророчестве сущностей категории «призрак», их особенностей и возможных опасностей, с ними связанных…

Прекрасная дроу с короткой стрижкой одарила студентов длиннющей лекцией с бесконечными классификациями и таблицами. Быстрый Ветер с его жалкими десятью страницами был посрамлен.

Мастер ухитрялась не только диктовать, чертить, демонстрировать наглядные «призрачные» пособия из богатой коллекции артефактного хранилища аудитории, но и следить за дисциплиной. Причем пользовалась коварная женщина не обычными замечаниями, назначением отработок или банальными угрозами вечного незачета. Когда подуставший Картен возжелал

отложить ручку и поделиться своими горестями с Максимусом, над ухом лентяя взвыл беспорядочно слонявшийся по аудитории и доселе безмолвный призрак-пособие. Голубокожий неуч побледнел настолько, что по цвету практически сравнялся с вампирами, подпрыгнул с места минимум на полметра и с грохотом опрокинул собственный стул. Вместе с Картеном невольно вздрогнули все, а Лис так и вовсе картинно схватился за сердце. Тита же стала серой и задрожала совсем не картинно.

Дроу лишь погрозила нарушителю дисциплины пальчиком, скупо улыбнулась и спросила у пещерницы:

– Студентка, судя по вашей реакции, вам знаком звук?

– Д-да, – стукнула зубами Тита, трясясь мелкой дрожью вместе со своими кудряшками.

– Не поведаете своим сокурсникам подробности?

– Так воет в шахте стукач, перед тем как подпорки обрушить или сразу после этого, – шепнула девушка, хлюпнув носом. На ресницах повисли крупные слезы, Тита, и без того невысокая, но плотная, как-то разом сгорбилась, сжалась жалким комочком. – Нас с батюшкой и братом тогда почти сутки откапывали, а дядю сразу придавило.

– Довольно, мастер, что же вы творите-то? Ей же больно о таком вспоминать! – первым, буквально сорвав у Янки с языка готовую вылететь фразу, почти зарычал Авзугар.

– Вижу, – невозмутимо согласилась жестокосердная лектор, ничуть не устыдившись содеянного. – Но лучше пусть девушке будет больно сейчас, чем она проявит слабость позже, когда ей доведется столкнуться с таким призраком. Уязвимые точки врага надо знать! Знать, куда бить, знать, как и когда отступить. Записывайте, студенты! «Стукачами» пещерники именуют подвид привязанных к определенному ареалу, как правило, не более нескольких километров, враждебно настроенных ко всему живому призраков. Они не могут причинить прямого физического вреда живым созданиям. Но стукачи воздействуют на материальные предметы. В частности, они не в силах кинуть камнем в живое существо, но способны вызвать обвал или сломать балку перекрытия. Такой вред считается опосредованным. Методы защиты от стукачей. Самым действенным, как и для любого другого призрака, является временное или окончательное развеивание. Но подобные меры допустимы лишь в том случае, если призрак не является объектом пророчества. В иных ситуациях, запрещающих воздействие на объект, самым безопасным будет покинуть ареал влияния стукача. Если это по какой-либо причине невозможно, требуется истощить запас его энергии, используя любой из щитов Игиды или иные магические

и физические методы, заменяющие щит. Способы определения присутствия стукача. Внезапные монотонно повторяющиеся звуки, исходящие, как кажется, из нескольких мест одновременно. У пещерного стукача – собственно стук, у близких по сути призраков это может быть звук капающей воды, катящихся предметов, шорох или царапанье…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.